
Дарина
Кардашьян
Оставь сердце
в пустыне

Дарина Кардашьян

Оставь сердце в пустыне

«Литнет»
2026

Кардашьян Д.

Оставь сердце в пустыне / Д. Кардашьян — «Литнет», 2026

Улететь после предательства жениха за сто световых лет, на край галактики? Почему бы и нет. Я улетела. Но кто же знал, что на далёкой планете, я оставлю своё сердце в пустыне.Очень красиво и очень горячо.

© Кардашьян Д., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 23
Глава 5 30
Глава 6 37
Глава 7 44
Глава 8 50
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Глава 1

– Алина Захаровна, мой проект глянете? Там сенсация, честное слово! – говорит мне Сёма Валетов.

– Бросай, – разрешаю я, удаляя предыдущую папку в корзину.

На экране выскакивает папка от Сёмы. Обозвал «Клеопатра». Про Египет, что ли? Хм, ладно. Посмотрим, что там нарыл наш Сёма.

– Открыт новый ресторан «Клеопатра», – бодро докладывает он, пока я просматриваю присланные им файлы, – совершенно новая гастрономическая культура! Подобно Клеопатре вы сможете попробовать телятину в соусе, куда добавлен жемчужный порошок, суп с трюфелями и ионами платины, мороженое с золотым напылением. С древности считалось, что минералы оказывают омолаживающий и оздоравливающий эффект, и теперь мы переосмысливаем старое по новой методике…

– Не пойдёт, – я прерываю его восторженный бред и отправляю файлы в корзину, без возврата. – Сёма, эта новость может быть интересна только для толстосумов. Мы работаем на более широкую аудиторию, знаешь ли. Нас бы заинтересовало добавление алмазной пыли только лишь в фаст-фуд, с целью увеличения потенции. Вот на это зритель бы клюнул. Дальше?

Сёма уныло опускает длинный нос, я краем уха улавливаю два-три смешочка, но свой материал уже предлагает Дебора Ковальски.

Открываю присланный ею файл и сразу вижу Йохана на фоне здания лаборатории. Йохан ослепительно улыбается, и я невольно улыбаюсь ему в ответ. Хотя он меня, разумеется, видеть не может.

Даже классический серый костюм сидит на нём до неприличия сексуально. Так и веет силой, мужественностью и успешным успехом в стае. Альфач. Без сомнений.

– Кражи синтоидов из лаборатории «Новая жизнь», – Дебора презентует материал чётко, сухо, без эмоций. – Раньше воровали людей, теперь на очереди синтоиды. На чёрных рынках они пользуются огромным спросом. Даже на органы лучше пускать синтоидов – никаких генных мутаций, никаких наследственных болезней, никаких патологий. Недавно накрыли очередную преступную группу, но кражи продолжаются. Генеральный директор Йохан Хормштрёммин вчера подал ещё одно заявление в полицию. Вы можете взять у него эксклюзивное интервью без ущерба для бюджета.

– Очень интересно, молодец, – прерываю я её, – но оставим в разработке. Для наших зрителей проблемы синтоидов пока очень и очень далеки.

– Почему? – спокойно возражает Дебора. – Они такие же люди, как мы. Просто созданы в лаборатории.

М-да. Дебора – не Сёма. Далеко пойдёт, если не остановят. И тему подобрала любопытную, и на личном интересе главного редактора играет. На моём интересе, то есть.

– В том-то и дело, – отвечаю я так же спокойно, хотя понимаю, что каждая минута болтовни не по теме – это упущенное время.

Упущенное время – упущенная выгода. Так любит говорить Йохан. Но я снисхожу до объяснений. Потому что Дебора – не Сёма.

– Пока поднимать подобные вопросы – это уронить рейтинг, – я отправляю файлы на свой рабочий стол.

Йохан там – просто зайка. Надо будет показать ему вечером.

– Большинство людей относятся к синтоидам ещё хуже, чем в восемнадцатом веке относились к неграм, – продолжаю я. – Проблемы современных негров нашего зрителя пока не волнуют. Но поставим на заметку. Возможно, скоро мы к этой теме вернёмся. Что у нас ещё?

Дальше у нас была драка в семье победителя межпланетных гонок. Видео было снято с хорошего ракурса, с пикантными подробностями.

– Как бьются-то, – хвалю я, просматривая съёмку на ускоренном режиме. – А ведь только год назад поженились. Любовь прошла, и авокадо стухли. Пойдёт. Берём в работу. Давно не пускали в эфир динамичное и со скандалом.

В это время кто-то сбрасывает мне ещё несколько файлов, помеченных как «Спили рога». Что там? Побег оленей-вампиров из столичного зверинца?

Начинается обсуждение новой темы, а я открываю файл.

Там Йохан. Улыбается своей замечательной, такой знакомой улыбкой. Только в этот раз я не улыбаюсь ему в ответ. Потому что Йохан идёт по затенённой улице, обнимая за плечи смазливую блондинку.

Улица мне незнакома, но какой-то спальный район. Видна парковка для флайеров, да не простая, как в Бирюлёво, а с вышками громоотводов, с приборами наведения противозвукового поля. И парочка флайеров взлетает на заднем плане – самых последних моделей. Таких на всю Москву пара-тройка найдётся. Ст*о*ят, как половина столицы вместе с жителями.

Но меня интересует, почему Йохан так нежно прижимает к себе эту незнакомую бабу. Оу, ещё и целует. Взасос. Явно не сестра.

Может, видео старое? Мы встречаемся три года…

Нет. Флайеры не третьегодичной давности. И галстук на Йохане тот самый, что я покупала ему на Гавайях, куда мы летали в прошлом месяце на выходные.

– Алина Захаровна, что насчёт заголовка? Может, «Бои без правил»?

Вопрос возвращает меня в реальный мир. Я резко ударяю пальцами по сенсорной панели, чтобы остановить видео, но промахиваюсь и вместо паузы нажимаю ускоренный просмотр.

Йохан и блондинка, продолжая целоваться, забегают в подъезд, причём Йохан открывает его сам, значит, его отпечатки в базе, а потом картинка резко меняется. Я вижу уже не улицу, а комнату. На стене – Моне. Набережная Аржантёя. Очень смахивает на подлинник.

Но меня интересует не Моне на стене, а парочка в постели, которая занимается вовсе не живописью. А динамичным перетрахом.

Йохан. Мать его. Альфач.

Вот ведь кобелина.

Отключаю видео и выключаю планшет, потому что не могу смотреть дальше.

Вскакиваю, чуть не опрокидывая бутылку с минеральной водой, стоящей в углублении подлокотника моего редакторского кресла.

Замечаю, что вся журналистская команда смотрит на меня слегка озадачено.

– Алина Захаровна, что-то случилось? – спрашивает Дебора деловито, как обычно.

– Пока нет, – отвечаю я. – Но может. Продолжайте, у меня срочные дела.

Выхожу из кабинета, держа планшет под мышкой.

Иду в уборную, долго умываюсь холодной водой.

Потом пристраиваюсь в кабинке, заперевшись изнутри, снова открываю файл.

Снова смотрю, как Йохан и блондинка заходят в дом. Снова этот Моне. Снова перетрах.

Нет, тут сложно что-то неправильно понять.

Хотя, можно сгенерировать любое изображение. Но нет знака, который помечает все сгенерированные искусственным интеллектом видео. Хотя, можно и это обойти, если найдётся умелец.

Допустим, это – хорошая подделка. Кому выгодно?

Кто-то из бывших пассий моего жениха решил подгадить перед свадьбой? Йохан мужичонка завидный, я обломала много столичных штучек, когда приехала и увела его у всех из-под носа.

Быстро досматриваю видео до конца. Шикарная нарезка. Хоть сейчас снимать порнофильм. Только на голове не постояли.

Откуда файлы пришли, кстати?

Смотрю почту.

Адрес скрыт. Но висит ещё одно письмо.

Помедлив, открываю его.

Текст короткий: «Посмотрела? Хочешь проверить, где бывает твой жених во время ланча? Следующая встреча сегодня, в два часа».

Далее следует адрес. Подушкино. Новостройки. Модный район. Там цены заоблачные. Можно купить маленькую планету на те деньги, сколько там стоит квадратный метр.

Машинально смотрю на время.

Двенадцать.

Может, происки конкурентов?..

Ага. Конкурентам как раз надо монтировать порнуху с Йоханом. Делать им нечего.

Дрожащими пальцами набираю на нейробраслете: флайер фирмы «Оул», модель «Высокая скорость полёта», владельцы, адреса…

Да, точно. Всего две модели на всю столицу. И оба живут в Подушкино. Номер дома…

Всё совпадает с адресом из письма.

Кто такой добренький, что решил открыть мне глаза?

А свадьба через месяц, между прочим. Приглашения уже разосланы. И отель на Сейшелах уже забронирован. И свадебное платье я должна забрать на следующей неделе.

Сбрасываю информацию, щёлкаю по нейробраслету, задаю команду уже голосом:

– Звонок Деборе Ковальски.

Голос противно дрожит. Ещё сильнее, чем пальцы. Сбрасываю звонок, набираю сообщение: «Сегодня меня не будет, важное дело, замени».

Через пару секунд браслет пищит ответным сообщением, но я не просматриваю. И так ясно, что Дебора пишет, что всё сделает.

Уверена, сделает отлично.

И мне надо всё сделать отлично.

Сначала перегоняю свой флайер в ремонтную мастерскую на Пушкинском шоссе. Вру, что барахлят настройки.

Да, барахлят. Нет, ничего в этом не понимаю. Да, завтра заберу.

Вызываю пассажирский флайер, лечу в грёбаное Подушкино.

Мой флайер считают на раз-два. Особенно Йохан. А так… мало ли кто прилетел.

Но в целях конспирации на всякий случай снижаюсь за два квартала до нужного адреса. Бросаю флайер без парковки, просто бросаю. Он визжит, требуя оплаты, но я уже иду по улице, на ходу надевая солнцезащитные очки и надвигая на глаза бейсболку.

Вот этот дом. Всё верно.

Перехожу на противоположную сторону, чтобы хорошо было видно дом и парковку. Сажусь на корточки возле мусорной урны. Терпеливо жду.

Ровно в два вижу знакомый флайер.

Не «Оул». Но Йохан всегда предпочитал проверенную классику новомодным игрушкам.

Только в личной жизни, видимо, предпочитал тех, кто поновомоднее, а не перешёл уже в классику. Да брось, Алина. Не такая уж ты и классика. Всего тридцатник. Сейчас дамы за полтинник выглядят девушками.

Смотрю, как Йохан идёт в обнимку с той самой блондинкой.

Ничего так блонда. Даже натуральная, похоже. Жопка, ножки, бюстик тоже приличные. Но не сказать, чтобы лучше меня. Даже сказать, что не лучше.

Делаю несколько снимков, успевая схватить лицо девки, пока парочка не начинает целоваться.

Они заходят в подъезд, я забиваю снимки в поисковик.

Ответ приходит сразу же.

Лигита Каллас. Родилась в Риге. Образование – Йель, диплом с отличием.

Ах ты ж, проститутка недобитая.

Вся личная страница забита снимками в апартаментах, на фоне огромных цветочных букетов, на пляжах с коктейльчиком в руках, на фоне Эйфелевой башни с круассаном в пасти…

Адрес тоже находится быстро.

Десятая квартира. Второй этаж.

И тут аноним не соврал.

Кто же решил раскрыть всю правду на этого гада из лаборатории?

Надвигаю бейсболку ещё ниже на лоб, иду к входной двери.

Нажимаю цифры на экране наугад, когда кто-то сонно отвечает, пищу в микрофон:

– Здравствуйте! Простите, пожалуйста! Это ваша соседка из десятой квартиры…

Мне везёт, и дверь сразу открывается.

Не поблагодарив, захожу в подъезд, взлетаю по лестнице, нахожу нужную квартиру. Стучу. Даже не звоню.

Проходит несколько долгих минут, а я всё стучу, стучу, отбивая кулак.

Но вот из-за двери слышится недовольный голос. Точно такой, как я себе представляла: мяукающий, пищащий.

Проститутка с коктейльчиком.

– Доставка цветов, – говорю я басом, опуская голову и показывая видеокамере макушку от кепки.

– Цветы?! – теперь голос мяукает радостно. – Милый, от тебя?..

Дверь открывается, я слышу голос Йохана и врываюсь в квартиру, отталкивая плечом эту белокурую нимфу.

Она, кстати, завёрнута лишь в полотенце. Видно, что только вылезла из душа.

Вскрикивает.

Визжит.

Я захожу в комнату.

Йохан на постели. Прямо под Моне. Абсолютно голый. Развалил ляжки и уже на взводе.

– Вы кто?.. Вы что?!. – настигает меня блондинка.

Но Йохан уже узнал.

Медленно сводит ноги, стыдливо прикрывает член ладонью.

Будто он там у тебя поместится, идиот.

– Аля? – говорит мой жених фальшиво-удивлённо.

Нет, эту встречу он не отрепетировал.

– Ты всё не так поняла, Алечка! – Йохан поднимается с постели, тянет к себе подушку, прикрывается.

– Это можно понять как-то по-другому? – спрашиваю я.

Нет, плакать не хочется. Просто обидно и хочется что-нибудь разбить. Но в квартирах современного типа бить особо нечего. Даже стёкла противоударные. В этом явный минус цивилизации.

Смотрю.

Не на Йохана. Смотрю на Моне. Чем больше смотрю, тем больше кажется, что подлинник.

Иду в кухонную зону.

Йохан тянется за мной, прикрываясь подушкой. Блондиночка настороженно молчит, держась где-то поодаль. Но не визжит уже. Даже приятно. Нечего пугать соседей. Разберёмся, как воспитанные люди.

Распахиваю шкафчик.

Тарелки, бокалы, чайные чашечки.

Никаких следов кастрюль или сковородок. Даже мультипечи нет.

Ну так схрена ли такой нимфе готовить? Не маникюрное это дело.

– Аля, позволь, я всё объясню… – Йохан старается, старается, но получается плохо.

Наконец, нахожу, что искала.

Нож. Обыкновенный кухонный нож. Валяется сиротливо в уголочке. Ничего, мы найдём тебе применение.

Беру нож, и блондинка снова визжит.

– Аля! Не делай глупостей! – кричит Йохан, отступая.

– Не буду, – обещаю я.

Он отступает в коридор, я иду в спальную комнату. Прямо в ботинках залезаю на кровать и от души тычу в Аржантёйскую набережную ножом.

Холст поддаётся плохо. Но я стараюсь.

– Это подлинник! – визжит блондинка. – Йохан! Сделай что-нибудь!

– Другой купи, – советую я, бросаю нож и спрыгиваю с кровати, отряхивая руки. – Ну всё? Я пошла?

– Аля! – Йохан заметно приободряется, потому что нож падает за кровать. – Ты сама виновата, Аля! Ты подтолкнула меня!.. Ты всё время холодная! Как машина! Как робот! Любой мужчина нуждается в женской теплоте… А с тобой я уже забыл, что такое секс!

– Не похоже, – говорю я и вдруг неожиданно даже для себя самой бью его кулаком в нос.

Больно.

Очень больно. Пальцам больно. И сердцу, если честно, тоже.

Но боль в пальцах отрезвляет. Приводит в чувство.

Блондинка орёт, вцепившись в полотенце. Йохан орёт, зажимая разбитый нос.

Подушка падает. Член тоже падает.

Я улыбаюсь и ухожу, даже не хлопнув на прощание дверью.

Успеваю услышать истеричный вопль блондинки:

– А я тебе говорила, что она сумасшедшая! Деревня!..

Ну да. Деревня. Лихая Пожня, если быть точной. Не Москва, что уж там.

Возвращаюсь к пищащему в последних муках флайеру. Подношу нейробраслет к датчику оплаты.

Флайер облегчённо умолкает. Я набираю новый адрес.

Огонёк на датчике мигает. Меня просят расплатиться сразу.

Опять подношу браслет.

Мароины считываются, флайер поднимается в воздух.

Браслет вибрирует. Смотрю. Высвечивается «Любимый». Прям возлюбленный. Сбрасываю звонок.

– Команда: звонок шефу, – говорю я, откидываясь на сиденье и закрывая глаза.

Брюс отвечает почти сразу.

– Алина? Всё в порядке? – спрашивает он, как обычно, с ленцой растягивая слова. – Дебора сказала, ты уехала по срочному делу. Что там за срочность? Нашла что-то интересное?

– Брюс, прости, у меня личные проблемы, я увольняюсь.

Пауза.

Потом вопль почище вопля Йохана, когда я расквасила ему нос.

– Ты с ума сошла?!

– Завтра на работу не выйду, – чеканю я, – все рабочие файлы отправлю по сети, коды доступа у тебя есть.

– Ты с ума сошла! Как мы без тебя! Йохан нам всё финансирование обрежет!..

– Привет! – сбрасываю звонок, говорю: – Новая команда: поменять номер.

– Номер изменён, – отвечает мне нейробраслет мяукающим женским голосом.

Меня передёргивает, хотя раньше даже не обращала внимания, каким голосом говорит моя нейронка.

– Команда: поменять голос оповещения на мужской, приятный, баритон. Дополнительные характеристики: суровый, серьёзный мужчина. Сигма, никакого альфизма, – говорю я.

Нейронка тут же отвечает мне именно таким голосом – мужским, бархатистым, низким, спокойным:

– Голос оповещений изменён.

Так уже лучше.

Пока добираюсь до места, сбрасываю заявление об увольнении и все рабочие файлы в общую сеть телестудии. Стараюсь не обращать внимания на кучу писем, ринувшихся в мою почту. Делаю общую рассылку по всем абонентам: «Уезжаю в бессрочный отпуск, просьба не беспокоить». Флайер начинает снижаться над космодромом.

Иду к кассам, на глаза попадается рекламный баннер: «Ты нужен на Тантале! Покажи характер! Полный соцпакет, достойная зарплата!».

Тыкаю в нейробраслет, набирая «Тантал».

Где это?..

А, вот. Значительно дальше Лихой Пожни. Созвездие Девы, тринадцать парсеков. Две недели пути в криокамере. Ни мыслей, ни переживаний – то, что надо, чтобы быстро успокоиться. Уснула, проснулась – и ты уже на другом конце галактики. Отдохнувшая, посвежевшая, ну и то, что удалось проснуться – уже праздник сам по себе.

Покупаю билет. Никакого ажиотажа. Корабль почти пуст. Видать, полный соцпакет за тринадцать парсеков не слишком прельщает.

Посадка уже началась. Да мне просто везёт сегодня. И от брака с кобелиной избавилась, и в отпуск ушла бессрочно, да ещё и карету Золушке подали к парадному и вовремя.

Бортпроводница проверяет мои документы, узнаёт, глаза распахиваются.

– Вы без багажа?.. – лепечет она, таращась на меня.

– Уже отправила, – вру я. – А в ближайшие две недели мне точно ничего не понадобится.

– Вы по работе? – спрашивает она с жадным любопытством, делая отметку в моём паспорте о выезде за галактическую границу.

– Да, – говорю я небрежно. – Новый репортаж. Надеюсь, вам понравится.

– Я смотрю все-все ваши передачи! – оживляется она. – Вы такая… вы необыкновенная!..

Очереди нет, поэтому можно и поболтать. Но настроения болтать нет.

– Очень рада, что наш канал вам нравится, – говорю я дежурную фразу. – Если хотите попасть к нам в массовку, подайте заявку на сайте, я рассмотрю вне очереди… э-э… – читаю надпись на её нагрудном значке, где высвечивается имя, – Мишель.

– Ой! Правда?! – радуется она. – Спасибо! А вы когда возвращаетесь?

– Скоро, – опять вру я. – Только туда и обратно.

– Целый месяц… – разочарованно тянет она, но тут же ободряется: – Но я буду ждать! Спасибо! Приятной дороги!

– Приятно оставаться! – я улыбаюсь и машу ей рукой.

Как только поворачиваюсь спиной, улыбаться сразу перестаю.

Алина, ты уверена?..

И тут же заставляю внутренний голос не просто замолчать, а умереть мгновенной смертью.

Две недели сна. Две недели. Две недели.

И чтобы ни о чём не думать.

Быстро надеваю очки и бейсболку, потому что навстречу идёт улыбающаяся вторая бортпроводница.

– Прошу на борт нашего корабля, – она не узнаёт меня, провожает к капсуле, объясняет схему полёта, что со мной будет происходить, успокаивает, что я ничего не замечу, и что приятные сны обеспечены.

Да, пожалуйста, заверните мне приятные сны.

Чтобы не думать.

Чтобы совсем не думать.

Две недели.

Капсулу запирают, я устраиваюсь поудобнее, закрываю глаза. Пахнет тонко и нежно, как будто ландышами, и я проваливаюсь в сон.

Глава 2

Тантал встретил меня солнцем и песком на зубах.

Просто удивительно – откуда в городе на зубах песок?

После криокамеры чувствую слабость в теле. Раньше меня ждала бы реабилитация на месяц, а сейчас борт-проводница даёт тебе бодрящий коктейльчик, и уже через полчаса ты вылезаешь из капсулы и идёшь на выход.

Город назывался Форт-Читтик.

Странное название, но я не вдавалась в подробности. Просто посмотрела, где находится лучший отель.

– Вам куда, красавица? – окликает меня водитель допотопного флайера.

Окликает на идо, на котором говорили во времена молодости моей мамы. Сейчас все перешли на новиаль, но на этой планетке, видимо, ещё живут по законам прошлого века.

– Не бойтесь! Я женатый! – хохочет мужик.

– Вы такси? – спрашиваю тоже на идо, хотя не слишком уверенно.

– Ага, – радостно кивает он.

– С Земли? – уточняю я на английском.

– Ага! – отвечает он ещё радостнее. – А вы откуда?

– Из Москвы.

Ну да, не называть же Лихую Пожню.

– Так почти земляки! – орёт таксист на чистом русском. – Я из Владивостока!

– Даже почти родня, – признаю я и забираюсь на пассажирское место в его обшарпанную посудину. – Какой отель тут самый приличный?

– Это надо в «Золотой песок», – отвечает таксист, лихо и прямо с места поднимая флайер в воздух. – Такой красавице только туда. Вы к нам по делам или отдохнуть?

– А тут можно отдыхать? – усмехаюсь я, глядя в окно.

– Конечно! Раньше к нам, знает, как туристы мотали? Мы в день до пяти тысяч мароинов зарабатывали! По местным меркам это – ого-го какие деньги!

– Сейчас с туристами похуже, как я вижу.

– Сейчас дохло, – признаётся он. – Когда Тантал только открыли, сюда толпами мотались. Романтика же! Неизведанная планета! Вдруг древние цивилизации! Сокровища!..

– Ничего не нашли?

– Нет, – разочарованно бросает он. – Обыкновенная пустынная планета. Ни людей, ни зверей, один песок. Да и тот не золотой.

– Как же отель? – уточняю я.

Водитель смеётся, оценив мою шутку. Начинает рассказывать про планету и город, как делают многие водители во всех городах этой вселенной.

Слушаю, глядя в окно.

Город кажется золотистым и мерцающим. И хотя дома выглядят так же, как в миллионах других земных городов, золотистая дымка придаёт таинственный, завораживающий вид.

Песок опять хрустит на зубах. Едва сдерживаюсь, чтобы не сплюнуть. С трудом проглатываю. Песчинки царапают горло.

– Песочек попал? – замечает таксист и радостно ржёт. – Без песочка Чита не мила!

– Чита?

– Мы так Форт-Читтик называем, – пояснил он. – По старой памяти. А то не выговоришь. Читтик эту планету открыл, был исследователем, местная легенда. На площади ему памятник стоит, хотя он не помер ещё.

Набираю на браслете «история планеты Тантал». Быстро считываю информацию. Хорошо, что навыки в дороге не подрастеряла.

Тантал открыт пятьдесят лет назад. Пустынная планета, на девяносто процентов покрыта песками. Частично обжита. Больших городов три. Столица – Форт-Читтик. Населённые пункты располагаются в оазисах. В пустыне находятся геологические, биологические и метеорологические станции. Население по данным позапрошлого года достигает двух миллионов, в основном сосредоточено в городах.

– Да, уныленько тут, – говорю я.

– Я бы давно уехал, – признаётся он, – но у меня жена в научном центре работает. Энтузиастка. Даже на половинном пайке останется. Как у нас говорят – если увидишь пустыню, то твоё сердце останется в ней навсегда.

– Ваше не осталось?

– А я в пустыню не езжу, – хохочет он, потом добавляет уже серьёзно: – И вам не советую. Про сердце в пустыне – это ведь не красоты ради сказали. На самом-то деле, это про то, что если туда сунешься, то уже не найдут. Погодка у нас коварная. Вроде – ясно и ясно, а потом пыльная буря как зарядит дня на три. Поэтому за город – только с гидом. Сами не рискуйте. Так вы по работе или отдохнуть?

– По работе, – говорю я.

– Тоже наукой увлекаетесь? Камнями или микробами? У меня жена по микробам…

– Нет, я по гадам. По пресмыкающимся.

– А-а, – говорит он, слегка озадаченно, немного думает и добавляет: – Так тут гадов нет. Планета необитаема.

– Они везде есть, – говорю я. – Просто хорошо маскируются.

– Ну, удачи, землячка, – говорит он, снижаясь возле трёхэтажного здания.

– Спасибо, – благодарю я, расплачиваюсь и выхожу из флайера.

Оглядываю здание. Не очень похоже на лучший отель. Но нейробраслет услужливо подсказывает, что всё верно. «Золотой песок» – лучший отель планеты. Пять звёзд.

Трудно поверить, что тут вместится хотя бы три звезды.

Захожу в холл. Внутри всё так же, как в любом отеле Земли… где-нибудь в странах третьего эшелона.

Подхожу к ресепшену, нажимаю на допотопный колокольчик, вызывая администратора.

Колокольчик нежно и тонко звенит, и раз, и два, и три.

На третий выходит заспанная полная дама, удивлённо хлопая глазами.

– Вы что-то хотели? – спрашивает она на идо.

– Номер, – коротко отвечаю я.

– О, простите, – она подбегает к стойке, включает планшет на стене. – Ваши документы? Сюда сбросьте, будьте добры… – она пододвигает ко мне считывающий экран.

Я набираю на браслете код, подношу к экрану.

– Прошло, благодарю, – администратор бодро стучит по клавишам.

У них тут ещё клавиатуры. Просто прошлый век какой-то.

– На сколько планируете задержаться? – вежливо спрашивает администратор.

– Пока на неделю, – отвечаю я, – там посмотрим.

В её глазах искреннее удивление, и она спрашивает так же, как таксист:

– Вы по работе или отдохнуть?

– Отдохнуть, – отвечаю я. – Есть проспекты по местным достопримечательностям? Может, какие-то турфирмы организуют экскурсии? И где тут ближайший маркет? Мой багаж потеряли, надо прикупить всё необходимое.

Четверть часа я выслушиваю соболезнования по поводу утраченных вещей, получаю пачку рекламных буклетов, номера лучших гидов и проводников, и кучу советов, где лучше покупать то или это.

– У нас лучший повар на всей планете, – сообщает мне администратор. – Вы не пожалеете, что остановились у нас!

– Не сомневаюсь, – говорю я и отбываю в номер.

Номер однокомнатный, небольшой, чистенький.

Принимаю душ – впервые за две недели! С удовольствием понимаю, что жива, здорова и даже цела. Всё-таки, пролежать в заморозке столько времени, как кубик для льда…

Сушу волосы, выглядываю в окно.

Оно затянуто мелкой сеткой.

Да, ясно – от песка. И золотистая дымка – это песок. Везде песок.

Небо тоже золотистое. И немного розовое. Закатное. Где-то вдали оно сливается с такой же золотистой и розоватой полоской земли.

Всё верно. Там пустыня. Девяносто процентов планеты покрыто песком…

Пищит нейробраслет, который я сняла перед душем.

Вообще-то, номер я сменила, но понимаю, что для некоторых узнать мой новый номер – не проблема. Тем более, сейчас я светанула свои документы по всей галактической базе.

Смотрю контакт.

Мама.

Ну ладно, маме можно и ответить.

– Аля! Аля, это ты?! – слышу я взволнованный голос матери. – Мы тут все с ума посходили! Ты что делаешь?!

– Мам, всё хорошо, не волнуйся, – говорю я, продолжая смотреть на горизонт, где золото неба перетекает в золото песка. – У меня всё хорошо…

– Алина! – вклинивается в разговор знакомый до зубной боли голос. – Алина! Давай поговорим, как взрослые люди!

– Йохан, иди йухан, – говорю я беззлобно и сама себе удивляюсь.

Но заморозка, видимо, подействовала мозгам на пользу. Мне спокойно, даже почти не обидно и совсем неинтересно.

– У тебя контракт! – орёт мой бывший. – Мы с Брюсом чуть инфаркт не схватили! У нас чудовищные неустойки!

– Пусть вычтут из моей зарплаты, – перебиваю я его.

– Алина! Мы же деловые люди! – орёт он ещё громче. – И почему ты в какой-то дыре? Что за Тантал такой?!

– Аля, – вторит мама на заднем плане, – надо уметь прощать и договариваться. Мужчинам можно позволить маленькую слабость…

– Смотрю, вы уже договорились, – усмехаюсь, хотя ни Йохан, ни мама не могут меня видеть. – Быстро у вас получилось.

– Мы беспокоимся!.. – в голосе Йохана слышится истерика.

Никогда раньше не думала, что он умеет истерить. Он всегда казался мне надёжным, крепким, прочным. Как драгметалл. Хотя… золото – тоже драгметалл. А можно в пальцах сплющить.

– Не надо беспокоиться, – отвечаю я ему. – Я вот о тебе совсем не беспокоюсь. Пока-а, – произношу нараспев, отключаю связь и даю команду: – Поменять номер.

– Номер изменён, – оповещает меня нейронка.

Ненадолго, конечно, но всё же пару недель покоя получу. Жаль нельзя избавиться от браслета, там столько полезного… А почему нельзя? Мароины переброшу в банк, документы

– на другой носитель. Что там особо ценного? Фотографии с Йоханом, что ли? Или контакты? Так я всё равно ни с кем сейчас не хочу общаться.

Решено.

Сушу волосы, одеваюсь, отбываю в ближайший маркет, где «все товары только что с Земли». Ну, насчёт «только что» – это администратор погорячилась, конечно. Лет десять всем этим костюмам, комбинезонам, ботинкам и прочему, что носят в повседневной жизни. Впрочем, писки моды меня сейчас не волнуют.

Выбираю парочку комбинезонов, ориентируясь лишь на удобства, чтобы с системой охлаждения по всей поверхности, пару высоких грубых ботинок, вместо кепки – специальную широкополую шляпу с противопесковой сеткой. Солнцезащитных очков побольше, они вечно ломаются или теряются. Бельё – из натуральных тканей, не особенно красивое, но добротное и приятное к телу. Всё равно меня сейчас на любовь не потянет… лет пять точно.

Ещё я покупаю всякие нужные мелочи – зубную щётку, шампунь и бальзам для волос, расчёску, шпильки, тёплые носки…

Только сейчас понимаю, какой надо быть безумной, чтобы рвануть через всю галактику налегке. Ещё и в созвездие Девы. Очень в тему. Сейчас прямо мечтаю, чтобы стать старой девой. Хотя уже не получится, да. Усмехаюсь, забирая раздельный купальник невыразительного бежевого цвета. А почему бы и нет? Созвездие Девы – самое подходящее место, чтобы зажить спокойной жизнью, без ползучих гадов, которым одной женской промежности мало. Всё в другие заскочить норовят.

Беру красивую чайную пару и пачку хорошего зелёного чая. Буду пить чай из новой любимой чашки и смотреть на закаты в пустыне. Самое то, чтобы успокоиться и начать жить по-новому.

А я ведь много чего умею. У меня диплом по режиссуре, но ещё куча законченных курсов по переквалификации. Хороший режиссёр должен многое знать и уметь. Пока устрою себе отпуск, на месяц-другой, скажем. А потом начну подыскивать работу. Есть же у них тут телевидение, в конце концов. Или радио какое.

Нейробраслет пищит, раздавая мароины. Продавец бегает за мной, словно летает на крыльях.

– А вот ещё миленькая расцветочка… Только вчера завезли!..

Ну кому врёт? Вчера сюда завезти могли только мусор с орбиты. Рейсы Земля-Тантал идут раз в две недели. Я уже посмотрела, рассчитывая, когда за мной могут направить поисковый отряд.

Через две недели меня не будет в Форт-Читтике. В Чите.

Уеду куда-нибудь в пустыню, в один из «отелей, затерянных в безбрежных песках», как обещают рекламные буклеты. Пусть ищут, сколько угодно.

– Заберёте сами или оформить доставку? – услужливо спрашивает меня продавец.

– Доставку, разумеется, – я оглядываю гору коробок, пакетов и свёртков.

Называю адрес отеля.

– О-о-о! – говорит продавец с придыханием. – Вы туристка? Надолго приехали?

– Туристка, завтра уезжаю, – отвечаю я.

– А-а-а… – тянет продавец уже разочарованно.

Обедаю в первом попавшемся кафе.

Кофе – так себе, но пить можно. В меню указаны вафли с начинками. Выбираю вафли с сыром и грецкими орехами. Не знаю, из чего делают тут сыр, но мясной паштет точно не заслуживает доверия.

Вафли скрипят на зубах песком. Я с трудом дожёвываю, потому что две недели без пищи – это непорядок. Надо восполнять. Буду рассчитывать на шикарный ужин в отеле. Там же «лучший повар на планете».

Перебираю рекламные буклеты, попутно закачиваю в новый нейробраслет нужные данные – счета и привязанные банковские карты, свою почту (мало ли), документы, дипломы, даже удостоверение Межпланетного союза журналистов, которое я получила три года назад, когда стала журналистом на пятидесятом федеральном канале.

Это ещё может пригодиться. Остальное – в утиль. Как прошлую жизнь.

А почему, собственно?..

Заказываю ещё кофе, но не пью, а смотрю задумчиво в окно, где незнакомый город переливается золотистыми искрами.

Почему я сбежала? Так обиделась на Йохана за измену? Ну да, обиделась. Любой бы на моём месте обиделся. Но от этого не сбегают на край галактики. Не конец света. Можно было сбежать в другой город, если очень хотелось сбежать.

А мне очень хотелось?..

Может, я и сбежала от этой свадьбы? Нашла предлог…

С Йоханом я познакомилась почти сразу, как приехала покорять Москву. Он был моим первым журналистским заданием. Тогда лаборатория синтоидов только открывалась, тема была свежая, неизбитая, и я подкараулила генерального директора на парковке, чтобы взять интервью.

Йохан был молодой, деловой, очень занятый, и первая беседа не получилась. Но я проявила настойчивость, и уже на второй встрече он наболтал мне столько, что получился отличный репортаж.

Правда, после репортажа уже Йохан подкарауливал меня – злющий и с адвокатами. Но адвокатам там точно делать было нечего, потому что интервью я взяла по всем правилам, не подкопаешься.

Йохан оценил, заценил и внезапно пришёл к выводу, что вложить деньги в развитие частного телеканала – неплохая идея. Так мы создали телетрио – я, Брюс и Йохан. Я предлагала идеи и была главным исполнителем, Брюс занимался хозяйственными вопросами, а от Йохана требовались деньги.

Программа «Мы всё вам покажем…» сразу взлетела. Люди любят скандальчики, разоблачения и пикантные подробности.

Особенно, когда они поданы красиво, со вкусом, и так, что ни один самый ушлый адвокат не подкопается.

Мы, действительно, были очень хорошей командой – я, Йохан и Брюс. Но в постели я оказалась, всё-таки, с Йоханом. Он был красив, остроумен, и… и казался мне надёжным, как драгметалл.

Было ли это любовью? Тогда я думала, что было. Ещё недавно думала, что было. Но сейчас мне казалось, что это больше походило на скрепление подписями делового контракта.

Йохан иногда упрекал меня, что я слишком много уделяю внимания работе. Что слишком холодна, что слишком занята… Всего слишком.

А ему, получается, слишком хотелось секса.

А мне не хотелось?

Хотелось, конечно. Но не до такой степени, чтобы жертвовать ланчем ради романтического перепиха. А вдруг Йохан прав? И я сама во всём виновата? И я не человек, а машина… Без чувств, без желаний… Только работа, работа, вынюхивание и выискивание горячих тем для эфира…

Но нюх-то у меня есть. С этим никто не поспорит.

Постепенно мы набрали штат, сняли в аренду сеть офисов на Пресненской, перешли с еженедельных программ на ежедневные, расширили тематику канала и… как-то незаметно стали одними из первых сначала по России, а потом и в мире. Конечно, многие мастодонты журналистики относились к нам высокомерно, называя наши темы «жёлтыми сплетнями», но лично я считала, что это банальная зависть. Удерживать на пике интереса зрителей – это не везение, это огромная работа. И мы с ней справлялись. Я справлялась.

Но теперь не хочу.

Почему не хочу?..

Ответа на этот вопрос я в своей голове не нахожу. Зато нахожу среди буклетов рекламу отеля «Пирамида».

На фото – зеркально-стальная пирамида, ослепительно блестящая на солнце. Её окружают песчаные золотисто-розоватые холмы, вдали видны чёрные скалы, кое-где из барханов выглядывают корявые высохшие растения. Всё так и просится в рамочку и на стену, как фантастический пейзаж.

Буклет обещал «погружение в мир песка и тишины». Отель располагался почти на экваторе, но обещал «комфортное пребывание в здании с кондиционерами», «потрясающие закаты» и «возможность спокойно поразмышлять о смысле бытия».

Последняя фраза решает всё.

Поразмышлять о смысле бытия. Да, именно это мне сейчас нужно.

Подхожу к общему планшету, который висит на стене кафе, набираю сетевой адрес турфирмы, заполняю заявку. В графе «когда готовы отправиться в дорогу?» пишу завтрашнее число.

Нейробраслет пищит, просматриваю сообщение.

«Благодарим, что обратились к нам! В связи с погодными условиями, выезд завтра невозможен. Предварительная дата – двадцатое мая, в пять часов. Вездеход будет ждать вас возле отеля «Золотой песок». Приятного дня и отдыха!».

Двадцатое – это через три дня. Ладно, идёт.

Вот только – вездеход? Какой ещё вездеход?..

Заказываю ещё одну чашку кофе, потому что прежний остыл.

Глава 3

Это, действительно, вездеход.

Такой, какие показывали в фантастических фильмах прошлого века.

На огромных, с меня ростом, колёсах, с обшарпанной помятой кабиной, которая когда-то была оранжевого цвета.

Сидит в этом вездеходе такой же потрепанный, как и машина, мужик средних лет. Тощий, небритый, в комбинезоне, который ему великоват, и отчего мужик смотрится, как кот в мешке. Сходство особенно сильное, из-за торчащих щёткой усов.

Сначала я даже не верю, что это – гид. Больше он походит на какого-нибудь разнорабочего.

Но он заходит в отель, где я сижу с дорожной сумкой, и приветливо кивает даме на ресепшене.

– Здорово, Марго! – орёт он на чистом русском. – Как жизнь?

– Привет, Виталя, – отзывается она, перегибается через стойку, укладываясь грудью, вытягивает шею, чтобы посмотреть на диванчик, где я сижу, и преспокойно указывает на меня пальцем: – Вон твоя клиентка. Давно ждёт.

– Здоров! – Виталя замечает меня и расплывается в улыбке. – Каких красоток к нам завозят!

– Вы точно гид? – уточняю я, не торопясь вскакивать с диванчика с вещами.

– Точно, точно, – отвечает за Виталю администратор. – Не бойтесь, он из первака, с ним не пропадёте.

– Первак? – переспрашиваю недоумённо.

В моём понимании это как-то связано с самогоном. Опять всплывает Лихая Пожня. Явно о перваке я узнала именно там, а не в Москве.

– Первак – это те, кто первыми высадились на Тантале и начали его осваивать, – поясняет Виталя, весело щерясь, и спрашивает: – А зачем такой красавице в пустыню? Есть места гораздо лучше!

– Это допрос? – спрашиваю я, всё ещё сидя на диване.

Виталя мне не нравится. Слишком напористый, слишком громкий, его слишком много. В пустыню едут за тишиной, одиночеством и спокойствием. А не этим вот…

– Ладно, извините, – примиряюще говорит Виталя. – Просто новое лицо – это всегда приятно. Это ваш багаж? – он кивает на мою сумку.

Я в ответ киваю ему.

– Если готовы, то поедем, – он хватает мою сумку, слегка кряхтит, забрасывая на плечо, и тащит к выходу.

На чемодане есть колёсики и даже портативное управление, но я ничего не говорю. Пусть будет «по старинке». Как в пещерное время.

– Не бойтесь, он хороший, – смеётся дама-администратор. – И главное – хорошо знает пустыню. С ним не пропадёте.

Да уж. Ещё пропасть не хватало.

Иду следом за гидом, выхожу на улицу, где сразу становится жарко и сухо, и лицо будто покалывает невидимыми иголками. Это летают песчинки. Я уже догадалась.

– Сегодня метёт немного, – говорит Виталя, с пыхтением забрасывая мой чемодан в вездеход и распахивая кабину. – Забирайтесь, пока песка внутрь не нанесло.

Ставлю ногу на высокую ступеньку и прямо чувствую, как этот Виталя пялится. Оглядываюсь. Ну да. Смотрит на мою задницу. Как оригинально.

Улыбается, мой взгляд не замечает.

– Что, понравилась? – спрашиваю я.

– Ага, – говорит он, расплываясь в улыбке, потом спохватывается.

– Я к вам работать, а не отдыхать, – говорю сурово, ещё и брови хмурю при этом. – Поэтому не надо мне там дыры в комбинезоне взглядом сверлить.

– Виноват, – кается Виталя. – А кем работать?

Забираюсь в кабину, не отвечаю. Он медлит, но потом захлопывает дверцу, обегает машину, забирается на водительское сиденье.

Нет, явно не герой моего романа. Хотя старается.

Только зря. Мне сейчас не до романов и не до героев. То есть не до кобелин. А героев, скорее всего, и нет в этой вселенной.

– Так кем работать? – переспрашивает он, заводя мотор.

Машина фыркает, дрожит, по кабине растекается сильный запах бензина. Они тут на бензине ещё ездят…

– Виталя, – говорю я, доставая наушники из контейнера.

– Да? – с готовностью откликается он.

– Если вам не ответили на вопрос, – продолжаю я, засовывая капсулы в уши, – это не значит, что вопрос не услышали. Это значит, что вам не захотели отвечать. Переспрашивать не надо.

Лицо Витали вытягивается.

Трёхдневная щетина у него. Или пятидневная. Или, вообще – мини борода. Неприятный тип.

Отворачиваюсь к противоположному окну, включаю музыку.

Вездеход трогается с места.

Мы едем пару часов, я смотрю в окно и вижу пустыню.

Нет, даже не так. Не пустыню, а Пустыню.

Она огромная. Просто бескрайняя. Как золотистый океан. И вся течёт песком, переливается, дрожит – словно дышит.

Музыку я выключаю сразу, как только выезжаем из города. Потому что музыка не вяжется с Пустыней. Здесь хочется тишины.

Растительности нет. Всё пусто. Один песок.

Но впереди показываются три пальмы, и под ними – двухэтажный дом с солнечными батареями на стенах и крыше.

Ничего похожего на «Пирамиду» из буклета.

– Что это? – спрашиваю я, тревожно вглядываясь в местность.

– Это первая база, – объясняет Виталя и успокаивает меня: – Не волнуйтесь, мы здесь на чуть задержимся. Просто сразу ехать в «Пирамиду» нельзя. Это долго. Погода на планете непредсказуемая, поэтому на длинные расстояния никто никогда не ездит. До отеля добираются короткими перебежками по базам.

– Перебежками? – я вытаскиваю капсулы музыкальных динамиков из ушей.

– Представьте, как раньше пересекали пустыню на верблюдах, – Виталя явно рад, что я слушаю. – От колодца к колодцу, от оазиса к оазису. Вот и тут так же. Маруся, – он похлопал по панели, – хорошо служит, но надо проверить мотор, и бензинчику подлить, и на небо поглядеть. Вы хоть и красотка, а лежать под песком я даже с вами не согласен.

Он ржёт, но мне совсем не смешно.

На базе нас встречает такой же небритый мужичонка в термокомбинезоне. Узнав, что мы едем в «Пирамиду», он страшно радуется и сразу тащит гору «посылок» для геологов.

– «Пирамида» раньше была геологической базой, – объясняет мне Виталя, загружая посылки в машину, – но потом финансирование сократили, так что там теперь геологический пост и отель. Ну, типа отель.

– Понятно, – я предполагала, что еду в настоящую дыру, но не настолько.

Геологи. Только их мне не хватало. Где геологи – там всегда шум, горные работы, грязь. Зачем я только согласилась ехать…

– Не бойтесь, – говорит Виталя. – Они вас не тронут. Они ребята смирные и тихие. Учёные.

– Угу, – говорю я, доставая телефон и делая несколько снимков пустыни.

Виталя понимает и отваливает.

После проверки машины едем дальше.

Короткими перебежками.

Только теперь перебежки растягиваются на четыре часа.

До отеля добираемся на закате, когда вся пустыня залита тёплым золотисто-розовым светом заходящего солнца. Да, проспект не соврал. Ради такого заката ст*о*ит притащиться в эту глушь.

Посреди золотисто-розовых песков горит зеркальная пирамида.

Это красиво. Это очень красиво.

Фотографирую сам отель, фотографирую закат, розоватые барханы.

– Приехали, – Виталя выдыхает с облегчением и крестится. – Сейчас дверь вам открою!

Он выскакивает из кабины, бежит вокруг машины, открывает дверцу с моей стороны. Протягивает руку, чтобы помочь мне выйти, но я не обращаю на руку внимания, спускаюсь сама. Витале неловко. Он шмыгает носом.

– Идите в отель, – говорит и снова шмыгает. – Сейчас принесу ваши вещи.

Иду к пирамиде.

Она сделана из специального светособирающего покрытия. Горит, отражая солнце, но глаза не слепит.

Здание похоже на бриллиант. Переливается всеми гранями.

Задираю голову, глядя на вершину пирамиды, открываю дверь и сталкиваюсь с каким-то мужчиной. Он высокий, в черном термокомбинезоне. Волосы русые, подстрижены коротко, глаза светлые, серые, а брови тёмные, почти чёрные.

– Простите, – говорит мужчина, отступая в сторону и пропуская меня внутрь пирамиды.

Никакого смеха, заигрывания, оценивающего взгляда. На меня смотрят спокойно, будто не замечая. Будто я Золушка какая-то, которую принц застал в 00.05 после бала.

– Прощаю, – говорю я, как можно небрежнее, прохожу в здание, но тут же оглядываюсь.

Потому что на такого типа не оглянуться невозможно.

Пилять.

Суровый. Серьёзный. И голос – как новый голос моей нейронки. Бархатистый, приятный баритон. Спокойный. Настоящий сигма.

И задница у него – просто мечта, а не задница.

Термокомбинезон облегает всё так, что хочется от души шлёпнуть ладонью по правому или левому полупопию.

Это сюда таких завозят, что ли? Геолог?

Чуть не врезаюсь в колонну, спохватываюсь и встречаю взгляд пухлогубой блондиночки за стойкой, которую определяю, как ресепшен.

Блондиночка (до тошноты похожая на Каллас Л.) смотрит на меня так, будто хочет зарезать и сожрать. Тут же. На месте.

– Ваш экземплярчик? – догадываюсь я и указываю в панорамное окно.

Там настоящий сигма подходит к вездеходу, пожимает руку Витале, потом забирает пару посылок.

– Да! – говорит блондиночка с вызовом.

– Не волнуйтесь, я здесь по работе, – говорю примирительно и максимально дружелюбно. – Мужчины, тем более чужие, меня сейчас не волнуют.

Правильно. Я же не хочу, чтобы мне в суп плевали.

– А вот это очень печально слышать! – раздаётся вполне себе человеческий голос, и ко мне, улыбаясь от уха до уха, подходит мужчинка лет тридцати, тоже в термокомбинезоне, но не такой впечатляющий, как то, что только что отсюда вышло.

– Александр Привалов, – представляется он и тянется с рукопожатием. – Можно просто Саша. Я начальник нашей базы. Научно-исследовательской геологической базы Тантала и по совместительству – главный администратор отеля «Пирамида». Добро пожаловать! Вы – Алина? Алина Попова?

– Да, – помедлив, пожимаю ему руку.

Отшить всегда успею.

– Ваши документы, – говорит блонда, выпятив нижнюю губу.

– Это – Мирослава, – говорит мне начальник и уже не улыбается, а ржёт. – Хорошая девушка. Вы её не бойтесь, не обидит.

– Спасибо, успокоили, – говорю я, отдавая «хорошей девушке Мирославе» чек по оплате тура.

– А документы? – спрашивает она.

– Представьте, забыла в гостинице, – вру я, не моргнув глазом. – Можете позвонить туда, уточнить.

– Тогда я вас не заселю! – выдаёт она.

– Тогда вы сорвёте мой тур, я потребую возврат денег, жалобу напишу, – пожимаю я плечами. – Ваш Виталя забрал меня из отеля «Золотой песок». Думаю, он мою личность подтвердит лучше паспорта.

– Не сомневаюсь! – голос у девицы звенит истеричными нотками.

Ну вот. А я так не хотела, чтобы мне в тарелку плевали.

– Спокойствие, – начальник базы подходит и опирается локтем о стойку. – Мира, не пыли. Засели девушку.

Мирослава сопит, но начинает оформлять электронный ключ.

– Не жалуйтесь на нас, пожалуйста, – говорит Привалов, обращаясь уже ко мне. – «Пирамида» переживает не самые лучшие времена. Поэтому мы рады туристам. В этом году вы – первая. И, наверное, единственная.

– Почему? Места тут красивые, завораживают, – я не могу удержаться и снова смотрю в окно.

Сигма с посылками идёт к другому вездеходу, забрасывает внутрь ящики, легко запрыгивает в кабину сам. И так запрыгивает, что хочется поаплодировать.

– Места красивые, – соглашается тем временем Привалов, – но пик популярности уже давно прошёл. Когда разместитесь, отдохнёте после дороги, я тут вам всё расскажу и покажу. Кстати, если хотите позвонить в «Золотой песок» по поводу забытых документов, лучше сделайте это сейчас.

– А что так?

– Скоро начнётся пыльная буря, – объясняет начальник базы. – Сеть перестанет работать.

– Напишу по электронке, – пожимаю я плечами, глядя, как вездеход Сигмы разворачивается и уезжает.

– Сеть совсем не будет работать, – смеётся Привалов. – Ни телефон, ни интернет – всё отрубит.

– Пыльная буря – это так серьёзно?

– Более чем. В ближайшие пять-шесть часов из помещения – ни ногой. Это не просьба, это приказ, как начальника базы.

– А он куда? – я кивком указываю вслед удаляющемуся вездеходу. – Приказам не подчиняется?

– Это же Марк, ему можно, – опять ржёт Привалов, потом снисходит до объяснений: – Это – Марк Морозов, он не с нашей базы и не геолог. Он живёт на метеорологической станции, она в ста километрах отсюда. Пустыню он знает хорошо, вездеход застрять не должен, время на случайную поломку просчитано. Хотя лично я бы на такое не осмелился.

– Но на то он и Марк! Супермен и Бэтмен в одном флаконе! Да, Мирка? – радостно подхватывает Виталя, появляясь с моим чемоданом на плече, и орёт: – Сашка! Видел, какую красотку я привёз? Мирка! Умирай от зависти.

Мирослава бросает на стойку карточку электронного ключа, демонстративно вскидывает голову уходит.

– Чего это она? – удивляется Виталя, поставив мой багаж.

– Всё нормально, – говорит Привалов, берёт чемодан за ручку, как и положено, и катит к лестнице. – Алина, пойдёмте! Я провожу вас до номера. У нас база в северном крыле, а жилые комнаты – в южном. Ресторан на первом этаже, геологи живут на втором, вы будете жить на третьем, так что никто вас не побеспокоит. Насладитесь нашими рассветами и закатами в полной мере. Здесь – самое уединённое место во всей галактике.

– Даже не сомневаюсь, – бормочу себе под нос.

Вездеход, увозящий Марка Морозова, исчезает в пыльном облаке.

Да не очень-то и хотелось, собственно.

Пять лет. Никаких мужиков пять лет.

Разворачиваюсь и иду следом за Приваловым, который продолжает рассказывать про базу и про пустыню.

Глава 4

Привалов совершенно прав. База «Пирамида» – самое уединённое место не только в галактике, но и во всей Вселенной. Кроме меня на базе восемь человек – сам Привалов, четыре геолога, среди которых уже знакомый мне Виталя, Мирослава – она же администратор, официантка и горничная, плюс ещё есть фельдшер и повар. Как же без повара? Тут ведь ресторан.

Когда спускаюсь к ужину, в так называемом ресторане звучит музыка – что-то из популярного десятилетней давности. Геологи вскакивают при моём появлении, суетливо поправляют комбинезоны, приглаживают волосы.

– Позвольте, Алина, я вам всех представлю, – суетится Привалов. – Виталия Костюченко вы уже знаете. Это – Сигурд Вёмудсон, Бамбоку Исиба, Артём Зайцев, Стефан Завитовский. С Мирославой вы знакомы, а вот это – наш драгоценный Палыч. Палыч! – орёт он так, что у меня щёлкает в ухе.

Появляется пухлый краснощёкий дядечка в поварском колпаке и белом переднике.

– Прошу любить и жаловать, – представляет его Привалов. – Его фирменное блюдо – стейк на сухой сковородке, и только в конце добавляется кусочек сливочного масла. Очень рекомендую.

– Сейчас принесём меню, – Палыч суетится ещё сильнее, чем начальник базы.

Злющая Мирослава, нацепившая чернее мини-платье и белую кружевную косыночку, подносит мне довольно потрёпанную книгу в малиновом кожаном переплёте.

– Благодарю, – беру книгу и сажусь за боковой одиночный столик.

Лица у геологов вытягиваются, как по команде.

Разочарованы, что я не подсела к ним.

Ну-ну. Джентльмены местного пошиба.

Открываю меню. Там позиций десять в каждом разделе. Приподнимаю брови. Вот это сервис. Потом вижу возле некоторых блюд дописочки простым карандашом «нет», «нет», «нет».

– Будьте добры, суп-пюре из зелёного горошка, – говорю я, глядя в меню, но чувствую, что все глядят на меня, – салат «Пикантный» и ваш разрекламированный стейк, конечно же. Из напитков – зелёный чай. Без сахара. Десерт не нужен.

– Только «Пикантный» будет без перцев, – быстренько говорит Палыч, теребя фартук. – Перцы ещё не подвезли.

– Ничего страшного. Перцы подождут, – соглашаюсь я, закрывая меню.

Так как я продолжаю сидеть, уставившись в столешницу, остальные потихоньку разбредаются по местам.

Мой заказ готовят, заказы геологов уже выносят на стол.

Мирослава покачивает бёдрами, улыбается направо и налево. Похоже, привыкла быть тут королевой. Но я на её корону точно не посягаю.

Замечаю, что геологи заказали одно и то же – что-то вроде запеканки, гороховый суп из сушёного гороха (судя по жёлтому цвету), макароны с мясным соусом.

Мужчины сидят за одним, самым большим, столом. Начинают есть, негромко переговариваются, поглядывают в мою сторону.

Когда Мирослава приносит мне еду, спрашиваю:

– Господа геологи предпочитают макароны фирменному стейку?

– У них своя кухня, – высокомерно отвечает моя официантка и суёт чуть ли не в лицо датчик для оплаты. – С вас сто мароинов!

Ценник, надо сказать, как в пятизвёздочном отеле «Золотой песок».

Расплачиваюсь, начинаю есть.

Еда неожиданно приличная и вкусная. Жалею, что не заказала десерт. К чаю было бы очень кстати.

Смотрю в панорамное окно.

На горизонте небо из золотистого становится пыльным. Его заволакивают какие-то странные низкие облака.

Пыльная буря. Видела такое в фантастических фильмах.

Забываю о чае, наблюдаю, как пыльная волна, словно цунами, катит по пустыне. Она долетает до базы за считанные минуты, обрушивается так свирепо, что я невольно вздрагиваю. В одно мгновение становится темно, как в глубоких сумерках. Я чуть не роняю вилку.

Но кроме меня начало бури никого не взволновало. Включается мягкий золотистый свет, так же играет музыка, и не слышно никаких внешних звуков. Песок вихрится и беснуется за стёклами, но внутри – тишина и спокойствие.

– Не бойтесь, – Привалов подходит ко мне. – Буре до нас не добраться. Вот если бы вы были снаружи…

– Что-то не хочется, – быстро отвечаю я.

– Мы после ужина играем в бильярд. Хотите с нами? – предлагает он.

– Благодарю, но я устала. Пойду к себе, – говорю «до свидания», ни к кому конкретно не обращаясь, иду к лестнице.

Позади тихо. Ясно, что все смотрят мне вслед.

Поднимаюсь на третий этаж, захожу в свой номер. Не включаю свет. Некоторое время смотрю на клубы песка за стеклом окон.

Благополучно ли добрался вездеход с Марком Морозовым до станции?

Метеоролог он… Даже не подозревала, что такие профессии ещё существуют. На земле уже давно за погодой следят роботы.

Достаю ноутбук и не могу удержаться – забиваю в поисковике «Марк Морозов», ставлю расширенный поиск.

«Сеть отсутствует», – высвечивается во всплывающем окне.

Что за отсталая планета. Даже сеть отрубает, как в начале века.

С досадой закрываю ноутбук и валюсь на постель, не сняв комбинезон. И как-то очень быстро и спокойно засыпаю, глядя на бесконечное мельтешение песка за стеклом.

На следующее утро просыпаюсь на удивление бодрой и отдохнувшей. Шторы я вчера не опустила, поэтому солнце светит прямо в комнату, заливая всё золотистыми лучами.

Пустыня тоже золотистая. Но и немного розовая. Я думала, на фотографиях розовый – это отсвет от заката. Но теперь вижу, что сам песок немного розоватый.

Это красиво. Очень красиво.

Делаю несколько фотографий через стекло.

Небо ясное, ни следа вчерашней бури.

Принимаю душ, чищу зубы и натягиваю новый комбинезон. Открываю ноутбук, повторяю вчерашний запрос. Выскакивают тысячи Марков Морозовых со всей галактики. Смеюсь сама над собой и запрос сбрасываю. Всё равно, что искать в России Ваню Иванова.

Спускаюсь к завтраку и обнаруживаю пустой зал ресторана.

Болтаем с Палычем, и я узна*ю*, что геологи уже отчалили в карьер. Это где-то километров за тридцать от базы, они берут там пробы грунта, проверяют роботов, подключают буры.

– Вас шум не побеспокоит, не волнуйтесь, – говорит Палыч, собственноручно притащив мне несладкую овсянку, яйцо-пашот и тушёные помидоры с грибами.

Ещё к этому полагаются тончайшие треугольные тосты и горячий чай.

Очень неплохо для чёрной дыры в пустыне.

– У геологов своё меню? – спрашиваю я, уничтожая овсянку.

Она удивительно вкусная, и даже не скрипит песком на зубах.

– Конечно, – отзывается повар. – Хорошие продукты держим только для туристов.

– Но туристов у вас нет, – напоминаю я, принимаясь за грибы.

Тоже очень неплохие.

– Вы не подумайте, – повар густо краснеет, – всё достаточно свежее. Свежее здесь не найдёте! Если туристов нет, то мы заказ делаем раз или два в месяц. Никто не приезжает – я ребятам скармливаю. Но до вас подвоз за неделю был, так что не сомневайтесь. И ещё у нас на крыше отличная теплица, мы там выращиваем зелень, помидоры, лук. Не сомневайтесь…

– Не сомневаюсь, – киваю я ему. – Всё замечательно вкусно, спасибо. А если я захочу прогуляться, мне у кого спрашивать разрешения?

– Александр Михайлович всегда здесь, у себя, – подсказывает повар. – У него рабочий кабинет в северном крыле. Можете зайти, можете позвонить по внутреннему.

Я выбираю позвонить, но Привалов сразу же прибегает сам.

Проводит мне короткий инструктаж по пребыванию в пустыне, набивается в провожатые, но я твёрдо и немного резко отказываюсь.

На первых порах мне разрешают прогуляться вокруг базы, если захочу позагорать, то вытащат шезлонг. Если загорать – то только сейчас, пока солнце не так нещадно жарит. К полудню лучше вернуться. Будет настоящее пекло.

Отправляюсь на первую прогулку по пустыне.

Бреду по барханам, увязая в песке. Фотографирую далёкие горы, фотографирую дюны, которые похожи на расстеленную бархатную ткань, и совсем не удивляюсь, в какой-то момент увидев начальника базы, который тащится за мной на расстоянии.

Вздыхаю, машу ему рукой, разрешая подойти.

Он подбегает, явно обрадованный.

– Решил, что в первый раз вас нельзя отпускать одну, – извиняется он, потирая смущённо ладони. – Всё-таки, вы человек приезжий, новый, да и девушка… красивая девушка…

– Почему песок розовый? – спрашиваю я, пропуская мимо ушей комплимент.

– Потому что раньше здесь было море, – объясняет Привалов. – Можете себе представить? Всё здесь было морем! Со временем оно погибло. Почему – мы ещё не знаем. Но что-то изменило климат планеты. Море погибло, погибли и кораллы, что здесь обитали. Их тела искрошились в пыль, пыль смешалась с песком, и получилась вот эта красота, которую мы видим.

– А что вы ищете в горах? Золото? – задаю я новый вопрос, фотографируя очередной живописый бархан.

– Сначала искали золото и воду, – с готовностью поддерживает разговор начальник базы. – Но золота тут нет. И воды тоже. И никаких драгоценных металлов. Сейчас просто ищем хоть что-то, что сможет окупить работы хотя бы частично. Вы же видите, база совсем умерла. Как древнее море.

– Очень поэтическое сравнение, – хвалю я, фотографируя одинокое облачко.

– Мы тут на части уже скоро развалимся, – простодушно признаётся Привалов. – Бюджет на нас ещё рассчитан, но, боюсь, год-два-три, и нас закроют к чертям собачьим.

– Если нет смысла держать геологическую базу, то почему нет? Боитесь, не найдёте новую работу?

– Такую уже точно не найду. Знаете, как у нас говорят? Кто хоть раз побывал в пустыне, оставит здесь своё сердце.

– Вы оставили? – усмехаюсь я.

– С самой первой поездки. Пустыня – это не профессия, Алина. Пустыня – это образ жизни. Вы чувствуете, как здесь тихо?

Я прислушиваюсь, потом киваю:

– Пожалуй, да.

– Только шорох песка, – мечтательно говорит Привалов. – Будто ты один во всей вселенной. Будто ты сам – вся вселенная. А вы этого не ощущаете?

– Ощущаю, что воды тут нет, – говорю я. – Вернёмся, я устала и хочу пить.

К вечеру снова была буря, но уже не такая сильная. Мимоходом справляюсь о том, добрался ли Марк Морозов до станции. Мне отвечают, что да, добрался. Ловлю взгляд Мирославы, даю себе слово есть только из рук Палыча.

На следующий день под руководством Привалова совершаю свой первый полёт во флайере по пустыне. Флайеры стоят в подземном ангаре, который не запирается, не охраняется, и камеры видеонаблюдения там давно отключены.

– К чему они? – искренне удивляется начальник. – Мы тут на солнечных батареях, но из-за бурь не всегда получается использовать солнечную энергию. Генератор бережём на случай бурь. Иногда буря как зарядит на неделю, а то и на месяц…

Учитывая сводку погоды, Привалов ставит ограничение на километраж. Чтобы залетать не дальше, чем на двадцать километров.

– Иначе можно попасть в бурю и не вернуться, – он делает печальную мину. – Поэтому будьте осторожны и без разрешения с базы – никуда. Я почти всегда здесь, а если уезжаю в карьер, то остаётся дежурный сотрудник из геологов. Он посмотрит погоду и разрешит или запретит полёт.

Лететь над пустыней во флайере гораздо приятнее, чем тащиться пешком или на вездеходе.

Сверху открывается потрясающий, величественный вид.

Можно снизиться в любой локации, послушать шорох песка, посидеть в тени флайера, любуясь скалистыми отрогами.

После трёх тренировочных полётов меня стали отпускать одну.

Интерес ко мне постепенно остывал, после того, как я отшила всех геологов, которые подкатывали ко мне по очереди.

Впрочем, мужчины вели себя прилично и достойно, и сказанное «нет» понимали сразу. Без дополнительных объяснений. Хотя, никто не мешал им скабрезно обсуждать меня за глаза. Однажды я нечаянно подслушиваю такой разговор – когда возвращалась уже в сумерках. Свет в холле отеля не горел, на первом этаже было пусто, а в подсобке за стойкой ресепшена разговаривали Виталя и японец Бамбоку.

– …чего она сюда притащилась? – зло говорил на новиале японец, и говорил почти без акцента.

– Я её знаю, – вальяжно отозвался Виталя, что-то там переставляя. – Никакая она не Попова, врёт всё. Она – Ардо. Алина Ардо. Телеведущая. Интересно, что она с такой задницей забыла здесь, в этой дыре?

– Ищет приключений? – предположил японец.

– Возможно. Учитывая, какие купальники носит. Я её позавчера увидел – сначала подумал, что купальника на ней совсем нет, что голышом загорает!

Мужчины заржали.

Я брезгливо поморщилась и стала подниматься по лестнице, но продолжение разговора, всё же, услышала.

– Долго она тут не проживёт, – заявил Виталя авторитетно. – Не того полёта шлюшка.

– Но пока она здесь, я бы не отказался её повалять. Вдруг согласится? – хмыкнул японец.

– Она? Смеёшься? У неё Хормштрёммин в любовниках. А он, между прочим, миллиардер и совладелец…

Поднимаюсь к себе, закрываю дверь, смотрю на ночную пустыню.

Ну да, тайны не получилось. Конечно, вряд ли два бородатых геолога с затерянной на Тантале базы будут сообщать Йохану, где я, но это происшествие заставляет меня держаться от обитателей «Пирамиды» ещё отчуждённее. Просто противно.

Постепенно моя жизнь и их жизни стали протекать почти в параллельных плоскостях. Мы встречаемся лишь в ресторане, в воскресенье, когда у геологов выходной. Все остальные дни я завтракаю и ужинаю одна, а обед беру с собой на прогулки. Целую неделю я предоставлена сама себе и нахожусь в «Пирамиде» в полном одиночестве.

Почти полном, конечно. Потому что Палыч, Мирослава и дежурный и то и дело проскакивают в поле зрения, хоть и заняты своими делами.

В перерывах между бурями, когда есть сеть, я скачиваю книги, которые хотела прочитать, да времени не было, или читала давно и хотела бы перечитать.

Удивительно, как в спешке городской жизни мы забываем о таких обычных делах, как просто прогулки (а не деловые встречи), любование закатами, чтение книг…

Если погода позволяет, предпочитаю улетать к горам. Однообразная красота пустыни хорошо смотрелась до пятидесятого снимка, но потом душа затребовала чего-то другого. Горы в этом плане подходили куда лучше.

Время, ветер и песок превратили скалы в причудливые колонны, стены и массивы. Я фотографирую их, а вечером раскладываю снимки по папкам.

Ещё одним открытием оказались ночи в пустыне.

И раньше, на Земле, я видела красивое ночное небо, но в пустыне на Тантале это было что-то потрясающее. Огромная луна освещала пески, которые казались уже не золотисто-розовыми, а серебряными. Пустыня жила и ночью – дышала, вздыхала, что-то нашёптывала. В лунном свете её барханы искрились, как снег – это песчинки перетекали по дюнам, создавая эффект сверкающей колышущейся вуали.

Неплохо бы сделать репортаж. Как-нибудь потом, когда я захочу вернуться к работе. И хорошо бы, чтобы после репортажа это место хоть немного оживилось. Всё-таки, тут чудесно. И здание «Пирамиды» не заслуживает развалиться на куски, без дотаций от бюджета.

Только чем дальше, тем меньше я задумываюсь о том, что мне надо возвращаться к реальной жизни, к работе. Мне уже кажется, что я всегда жила здесь, в этом величественном и немного печальном месте. И всё больше понимаю Привалова, который говорил, что увидев пустыню, оставляешь в ней сердце навсегда.

Но пыльные бури в этом затерянном от цивилизации местечке случались нередко. Чаще всего обитатели «Пирамиды» знали о них и успевали укрыться либо в здании, либо в карьерном бункере. Лишь однажды бесшабашный Виталя решил вернуться в карьер, так как забыл там генератор, который срочно надо было зарядить. Геологическая группа вернулась без него, и Привалов чуть их не убил, потому что по прогнозу должна была начаться пыльная буря.

Связались с Виталей, но он радостно объявил, что всё забрал, едет на баз и будет через полчаса.

Буря налетела раньше и накрыла «Пирамиду», словно жёлтым, плотным одеялом. Связь с вездеходом оборвалась, Привалов нервничал и бегал по первому этажу, поминутно выглядывая в окно. Остальные тоже подавленно молчали. О том, чтобы отправляться на выручку не могло быть и речи. Спасатели сами легко могут заблудиться, застрять в песке, и тогда вместо одного могут погибнуть несколько человек.

Около полуночи я ухожу к себе в комнату, и хотя Виталя не слишком мне нравится, всё равно переживаю за него. Точно так же, как Привалов, время от времени выглядываю в панорамное окно.

Когда из пыльного облака появляется вездеход, я с облегчением перевожу дыхание. Спускаюсь вниз, на первый этаж, но там никого уже нет. Время позднее, геологи разошлись по комнатам, и даже Привалова не видно.

Виталя врывается на базу не через главную дверь, которой не пользуются во время пыльных бурь, чтобы не напустить внутрь песка, а через запасный вход, где находится герметизационная кабина.

Всё равно вместе с ним влетает облако пыли и песка. Виталя чихает, трёт рукавом нос.

Звонит его телефон, и Виталя с крепким ругательством отвечает на звонок.

– Да! Да! – раздражённо шипит он. – Добрался! Цел! Отбой!

Он отключает телефон, суёт его в карман, поднимает голову и видит меня.

– Всё хорошо? – спрашиваю я из вежливости.

Потому что и так видно, что всё хорошо.

Он не успевает ответить. Со второго этажа из северного крыла мчится Привалов. Налетает на Виталю, даёт ему парочку тумаков, обзывая, самое мягкое – дураком и балбесом.

Слышу топот – это бегут остальные геологи.

Тихонько поднимаюсь к себе. Хорошо, что всё хорошо закончилось. А радостную встречу устроят без меня.

На следующее утро пустыня радует нас ослепительно ясным небом.

После вчерашней бури она кажется ровной, как скатерть. Я тут же хватаюсь за фотоаппарат, чтобы сделать побольше снимков этой красоты. И надо слетать к горам. Там сейчас очень живописно.

Отправляюсь искать дежурного и в лаборатории нахожу Виталю. Он немного дёрганный, со смехом объясняет, что «влетело от начальника». Спрашиваю, могу ли я взять флайер, чтобы слетать к горам.

– Время полёта – около трёх часов, – говорю спокойно и холодно.

Виталя тушуется, будто понимает, что в чём-то виноват.

– Сейчас гляну сводки по погоде, – говорит он и лезет в компьютер.

Терпеливо жду.

– Да, сегодня обещают хороший день, – говорит Виталя. – Даже четыре часа могу разрешить. Но не больше! Мало ли что…

– Благодарю, – киваю, иду на выход.

Виталя тянется за мной, до самого флайера.

– Вам тут не скучно? – канючит он за моей спиной. – Может, возьмёте меня пилотом? Я такие местечки в горах знаю – отпад!

– Пустыня любит одиночество, – говорю я.

– Да не любит она одиночество, никто его не любит…

Делаю вид, что не замечаю его.

Проверяю флайер, забрасываю на сиденье ноутбук и фотоаппарат, забираюсь сама.

Виталя всё ещё стоит рядом, смотрит взглядом побитой собаки. Машу ему рукой, чтобы уходил, надеваю наушники, закрываю кабину.

Он уныло плетётся прочь, сунув руки в карманы.

Лечу к горам, но приземляюсь на полпути, потому что вижу что-то вроде сухого дерева, показавшегося из бархана. Если раньше здесь было море, почему бы не быть растительности? Сейчас как сделаю научное открытие – лес на Тантале! Улыбаюсь, фотографирую.

То, что показалось мне деревом, на самом деле – причудливо обветренная скала. Видимо, песок то засыпал камень, то приоткрывал, поэтому разрушался он неравномерно, и получилась такая вот странная каменная фигура. Похожая на саксаул.

Фотографирую с разных ракурсов, вожусь минут двадцать. Солнце начинает припекать, а до гор я ещё не добралась. Возвращаюсь к флаеру. Я оставила его в ста метрах от «саксаула». Спустилась на расстоянии, потому что боялась потревожить красивую картинку. Пока дохожу до кабины, хочу пить, будто день провела на пляже.

Достаю бутылку воды из встроенной холодильной камеры. С наслаждением пью, прикладываю бутылку к щеке.

Сажусь в кресло, нажимаю кнопку закрытия двери, но дверь не закрывается. И кнопка не горит.

Вообще ничего не горит.

С дурным предчувствием щёлкаю всеми кнопками подряд и дёргаю все рычаги.

Ничего.

Флайер просто умер.

Надо сообщить на базу.

Но датчик тоже умер. Я стучу по нему ладонью, но понятно, что это бессмысленно.

Чёрт!

Нейробраслет работает, и я пытаюсь по нему связаться с базой.

– Связи нет, приносим извинения за временные неудобства, – отвечает мне браслет бархатистым низким голосом.

– Чтоб тебя!.. – цежу я сквозь зубы.

Наверное, забралась слишком далеко, вот и сеть пропала. Но есть сигнал аварийки на браслете. Включаю его. Мигает красный огонёк. Правда, радиус у аварийки – всего пять километров. Но я же запросила три часа полёта. Через три часа меня в любом случае хватятся, отправятся на поиски. Если не заметят флайер, то точно обнаружат по датчикам аварийный сигнал, когда подлетят поближе.

Я километрах в ста от базы. Не так уж и далеко. За сутки можно будет добраться. Если не заблудиться, конечно. Вода у меня есть, комбинезон работает, не пропаду.

Но пока надо сберегать силы и ждать помощи.

Солнце нагревает кабину, потому что кондиционер не работает, и я, подумав, выхожу наружу, устраиваюсь в тени и готовлюсь ждать спасателей.

Глава 5

Мне снится, будто я дома, в Москве, и такая жара, что Гавайи отдыхают. Я брожу по квартире в поисках воды, но чайник пуст, из крана ничего не льётся, и даже в холодильнике нет льда.

Заходит Йохан и говорит: «Мы с тобой разводимся, я забрал своё имущество».

«Мы не женаты, чтобы разводиться! – возмущаюсь я. – Верни лёд, предатель!».

Появляется белобрысая сучка Каллас, обнимает Йохана и говорит: «Милый, я же тебе говорила, что она – деревня».

Собираюсь дать ей затрещину, в лучших традициях девчонки из Лихой Пожни, но вместо этого Йохан хватает меня за плечи и начинает зверски трясти.

Так, стоп. Трясут меня не во сне, а наяву.

С трудом открываю глаза и в первую секунду пугаюсь, потому что вместо человеческого лица вижу чёрный шар, в котором отражается моё лицо – со встрёпанными волосами, с вытаращенными глазами и по-идиотски приоткрытым ртом.

Потом соображаю, что передо мной всего лишь человек в чёрном термокомбинезоне и термошлеме.

Прихожу в себя, вяло отталкиваю руки своего спасителя.

Зачем так трясти? Я же не погремушка.

Рядом с флайером стоит серый от пыли вездеход. Судя по тени, которую он отбрасывает, уже далеко за полдень. Часов шесть, наверное. Долго же меня искали.

А я долго спала. Всё тело ноет, в горле пересохло, хочется пить. Потягиваюсь, достаю за горлышко бутылку, закопанную рядом в песок, пью тёплую воду. Противно, но всё равно пью. Потому что хочется пить. Потом медленно поднимаюсь, лезу во флайер, чтобы забрать вещи.

Попутно ворчу, жалуясь своему спасителю:

– Бардак какой-то. В таком месте все флайеры надо держать в полной исправности. А он сдох в одно мгновение...

Мой спаситель вдруг хватает меня за пояс и рывком вытаскивает из флайера, тащит к вездеходу, крепко держа за руку.

– Вы чего?! – возмущённо вырываюсь, опять бегу к флайеру.

Спаситель догоняет меня на полпути, мы начинаем немножечко бороться. Меня тянут к вездеходу, я изо всех сил упираюсь, ещё и начинаю ругаться. Не в московском стиле. В стиле Лихой Пожни.

Внезапно спаситель останавливается, забрало гермошлема уезжает вверх, и я вижу суровое лицо Марка Морозова. На меня сразу нападает ступор.

Признаться, я ожидала увидеть Виталю или Привалова. Но никак не Супермена, Бэтмена и спасителя женщин в беде.

– Здрасьте, – говорю я и глупо улыбаюсь.

Сразу понимаю, что глупо. Просто суперглупо. Вот только поделать с собой ничего не могу. Потому что мне приятно его встретить. Пусть он экземплярчик, принадлежащий Мирославе. Наверное, я даже рада, что меня нашёл Супермен, а не Виталя или начальник базы.

Вот только экземплярчик, похоже, совсем не рад.

– Вы сумасшедшая?! – сердито говорит он, словно припечатывая каждым словом. – Скоро буря! Хотите, чтобы вас замело тут? Быстро в машину!

– У меня фотоаппарат и ноутбук во флайере… – говорю я растерянно. – Сейчас заберу…

Не успеваю сделать ни шага, потому что Морозов бегом мчится к флайеру, заглядывает внутрь, забирает футляр с фотоаппаратом и сумку с ноутом. Бежит обратно.

Ничего не могу с собой поделать – любуюсь на этого красивого самца. Хорош, собака. Непозволительно хорош. Понятно, почему Мирославочка меня убить была готова.

Морозов подбегает, снова хватает меня за руку, тащит в сторону вездехода. Я бреду за ним, спотыкаясь. И вовсе не потому, что не хочу идти. Просто неожиданно как-то увидеть его… Вот такого…

– Вас бы замело, – продолжает выговаривать он, – и откопали бы археологи вашу мумию через три тысячи лет! И выставили бы в музее, рядом с фараоном Хеопсом. Да быстрее вы!

– Вы что на меня орёте? – наконец-то обижаюсь я.

Хоть какой разсамцовый самец, но орать-то зачем?

Буря налетает неожиданно.

Нас накрывает пыльным облаком. Меня больно хлещет песком в лицо. Вскрикиваю от боли, но своего голоса не слышу, потому что завывание ветра глушит все остальные звуки.

«С-с-с-сдохни!», – словно свистят песок и ветер вокруг.

Когда сидишь в «Пирамиде», не слышишь этих страшных звуков. И песок не хлещет, как плёткой. И не забивает нос и рот, мешая дышать.

Кашляю, отплёвываюсь, хочется открыть рот пошире и глубоко вздохнуть, но песок забивается в горло. Падаю на колени, цепляясь за Морозова.

Вот я дурочка!.. Кому нужны были эти ноутбук и фотоаппарат?!. Нас найдут через три тысячи лет… Высохших, как мумии…

На голову мне налезает термошлем. Сразу становится тише, через секунду поступает отфильтрованный воздух.

Жадно дышу, пытаюсь проморгаться, потому что в глазах песок.

Протереть глаза – увы! – уже не получается.

Ещё несколько шагов, из глаз слёзы, ноги вязнут в песке, но начинаю хоть немного видеть.

В колыхающейся пелене передо мной бежит Морозов. Он тянет меня за руку, он без шлема. Отдал мне свой. А сам как же?..

Снова кашляю, едва не падаю, тут меня хватают поперёк туловища, забрасывают в вездеход.

Неуклюже заваливаюсь, ударяясь шлемом об руль. Меня грубо толкают, чтобы передвинулась. Торопливо переползаю на соседнее сиденье, ударяюсь шлемом о противоположную дверцу. Морозов запрыгивает следом.

Пока я пытаюсь сесть, вездеход вздрагивает и трогается с места.

Буря беснуется снаружи, песок зло визжит, проскальзывая по лобовому стеклу.

Неловко снимаю шлем, на зубах скрипит, когда кашляю – обдирает горло.

Какое-то время едем молча. Я подбираю упавшие на пол фотоаппарат и ноутбук. Могли бы погибнуть из-за моей дурости. Из-за вещей этих дурацких. Но я же не знала про бурю…

– Вы целы? – нарушает молчание Морозов. – Медицинская помощь нужна?

– Нет…

– Это хорошо, – говорит он по-прежнему сердито. – Потому что из медицинской помощи у меня только обезболивающие таблетки и спирт.

Вездеход зарывается носом в песок, на какое-то время буксует всеми колёсами, но Морозов выворачивает руль в одну сторону, в другую, жмёт на педаль, и мы едем дальше.

Фух… Облегчённо выдыхаю.

– Вам повезло, что я принял сигнал о бедствии перед самой бурей, – жёстко продолжает мой спаситель. – Включи вы датчик на пятнадцать минут позже, и я бы даже не узнал, что вы умираете в нескольких шагах от станции.

– Я не знала, что будет буря, – говорю извиняющимся тоном. – И флайер так некстати забарахлил.

Морозов молчит, но чувствуется, что для него всё это – неуважительные причины.

Колыхание песка, вездеход тяжело поднимается на бархан с одного края, потом съезжает с другого, утыкаясь в песок носом. Если мы тут застрянем… А до базы ехать сто километров… И буря не утихает…

Прямо перед нами словно ниоткуда вырастает металлическая стена.

Открывается дверь ангара, Морозов закатывает туда вездеход. Гасит фары, становится темно. Просто черным-черно всё. Даже приборы на панели вездехода погасли.

– Где мы? – спрашиваю я испуганно.

– На моей станции, – раздаётся в ответ холодный голос.

Ну, Морозов же. Вот и холодный.

– А база?.. – спрашиваю тоненьким испуганным голоском.

– До базы сейчас не доедем, – говорит он. – Я в бардачке фонарь возьму. Не бойтесь.

Он наклоняется через меня. Не вижу его, но чувствую его дыхание. Чувствую его тело через два тугих комбинезона.

Становится жарко, хотя в вездеходе работает кондиционер, и тут даже прохладно.

Потом Морозов выпрямляется, на панели загорается светлое пятно.

– Выходите, – приказывает он, берёт гермошлем, выпрыгивает из машины.

Я послушно выбираюсь следом, спотыкаюсь, чуть не падаю, мой спаситель подхватывает меня под локоть. Держит крепко, словно решил нарочно наставить мне синяков.

– Почему так темно?

– Лампочка сгорела, – объясняет Морозов, подсвечивая мне дорогу. – Всё собирался заменить.

– Ага, – тяну я, не зная, что сказать.

Мы на какой-то станции. Кажется, Привалов говорил. Метеорологическая станция.

Открывается ещё одна дверь – маленькая, узкая. Потом ещё одна – побольше, но тоже невысокая. Впереди свет. Я ударяюсь головой, сразу замечаю ироничный взгляд Морозова. Не насмешливый, не презрительный, а именно ироничный.

Для него я – безмозглая дурочка. Которая по собственной глупости попала в беду, и опять же по собственной глупости чуть не погибшая сразу после спасения.

– Располагайтесь, – говорит Морозов. – Попробую сообщить на базу, что нашёл вас, если связь ещё не пропала.

Оглядываюсь. Мы в небольшом помещении – так, что-то вроде крохотной однушки. Комната разделена перегородкой. Слева – спальная зона. Двухъярусная кровать. Застелена только нижняя постель. На прикроватной тумбочке старинный механический будильник. Такой, какой надо заводить ключом.

На другой стороне, справа – крохотная кухонька. Одноконфорочная электрическая плитка с портативным генератором. Самодельный шкафчик. На стене висят блестящая сковорода, такой же блестящий нож, поварёшка. Стоит крохотный холодильник.

Есть и рабочая зона – у стены стол со стопками каких-то тетрадей, альбомов, блокнотов. На полке втиснуты корешок к корешку книги. Стаканчик с автоматическими ручками и карандашами. Во всём идеальный порядок. Ни пылинки, и даже пахнет чистотой – будто только-только провели генеральную уборку.

Узнал, что я потерпела аварию поблизости, мигом навёл порядок и помчался меня спасать?

Чуть не хихикаю от такой мысли.

Глупость, конечно. Ничего он специально не наводил. Бывают такие люди – от природы аккуратисты.

Топчусь на пороге, потому что с меня осыпается песок, а я не хочу мусорить в этом чистом крохотном жилище.

– Да, нашёл. Да, здорова. Сейчас у меня, – слышу я голос Морозова из-за перегородки, но самого его не вижу.

Что-то скрипит, пищит, потом наступает тишина.

– До базы буря ещё не добралась. Повезло, что сигнал прорвался, – Морозов выходит ко мне, окидывает меня взглядом с головы до ног. – Можете быть спокойны, никто из-за вас не погибнет. А ребята собирались ехать вас спасать.

Говорит это с упрёком, обвиняюще.

– Кажется, я уже извинилась, – произношу это мягко, но выразительно.

С намёком, что тон мне не нравится. Во-первых, я не маленькая девочка, чтобы меня отчитывать. Во-вторых, не виновата.

Морозов хмыкает.

– Вы сообщили на базу? – спрашиваю вежливо, хотя хмыканье задело.

– Вы же слышали.

– За мной приедут? – стараюсь не замечать иронии.

Нет смысла ругаться. Всё же, спаситель. Красавчик. И обычно… я всем нравлюсь с первого взгляда.

– Конечно. Они же за вас отвечают, – хозяин слегка смягчается. – Раздевайтесь, душевая вон там, направо. Чистое полотенце там же, на полке. Можете ополоснуться, а я сейчас приготовлю ужин.

– Не надо ничего готовить, – проявляю щедрость, я же ещё и добрая, и умею себя в гостях вести. – У вас тут с подвозом продуктов плохо, как я понимаю. Лучше поберегите для себя. Прекрасно поужинаю на базе.

– Прекрасно, если вы туда попадёте хотя бы через три дня, – произносит Морозов. – Буря раньше не закончится. Поэтому советую, всё-таки, поесть. Или вы поставили себе целью так или иначе умереть в этой пустыне? Тогда хотя бы подождите до возвращения в «Пирамиду». Мне здесь трупы ни к чему.

– Хорошо, подожду, – говорю я уже ему в спину и опять глупо улыбаюсь.

Три дня.

Три дня на пяти квадратных метрах с Мистером Совершенство-Аккуратность-Женский-капкан. Ну просто фантастическое приключение. Конечно, я на пять лет с мужчинами завязала. Но посмотреть-то всё равно приятно.

– Я так понимаю, переодеться вам не во что? – спрашивает он, открывая тумбочку возле кровати.

– Правильно понимаете, – соглашаюсь я.

Под комбинезоном у меня бюстгальтер и стринги. Я, конечно, могу щегольнуть и в них…

– Тогда я вам халат дам, – Морозов вытаскивает откуда-то махровый халат.

Белоснежный, пахнущий лавандой, ещё и выглаженный.

Мамочки. Он тут ещё и глажкой занимается. Это в дополнение к тому, что бреется. Бороды-то у него нет, как у геологов.

– Благодарю, – забираю халат, иду в душевую.

Тут места ровно столько, чтобы поместиться хорошо упитанному человеку.

Я не упитанная, так что могу ещё и руки в стороны развести. Мужчина и женщина спортивного сложения точно поместятся. Вдвоём. Снова начинаю глупо хихикать. И даже не запираю дверь изнутри. Вот просто не запираю – и всё.

Кабинка прозрачная, никаких капель и подтёков на поверхности. Идеальная чистота. Нераспечатанная капсула с мыльным гелем. На полке лежит сложенное вчетверо полотенце – такое же белоснежное и благоухающее, как халат. Даже в мелочах – образцовый порядок.

Моюсь дольше, чем требуется, но никто не заходит.

Собственно, не ждала, но всё равно немного обидно.

Выхожу из душа в приподнятом настроении. Эта пустыня – удивительное место. По-настоящему удивительное. Смотрюсь в зеркальце на стене. Поправляю волосы, чтобы выглядеть не мокрой кошкой, а вполне себе сексуальной кошечкой. Нет-нет, не потому что хочу произвести впечатление на Марка Морозова. Просто рядом с Мистером Совершенство не хочется ударить лицом в грязь.

Запоздало вспоминаю, что мои ботинки стоят у порога, а носки засунуты в них.

Ладно, педикюр ещё ничего, сойдёт. Можно и босиком.

Открываю дверь душевой и первое, что вижу – белоснежные тапки, стоящие так, что мимо не пройдёшь.

Надеваю их. Они большие, сорок третий размер, наверное. Мне неожиданно приятно. Не женские. Значит, дамочки здесь – не частые гости.

По крохотной комнате разносится запах чего-то удивительно вкусного. Фирменный стейк Палыча не фонтанировал такими ароматами.

Заглядываю за перегородку в кухню.

Морозов в футболке и спортивных штанах, в фартуке в бело-красную клетку колдует возле плиты.

– Что за деликатес вы готовите? – я опираюсь плечом на перегородку, перебрасываю волосы на грудь. – Пахнет очень аппетитно.

– Макароны с тушёнкой. Вы такое едите? – в свою очередь спрашивает Морозов, орудуя ложкой.

– Вполне, – думаю, что он очень аппетитно смотрится.

Когда мужчина готовит – это всегда приятное зрелище. Вот если бы ещё он готовил в фартуке на голое тело…

Разворачиваюсь и ухожу, потому что становится жарко. И дело вовсе не в том, что от плиты горячо.

Пять лет, Алина… Ну не будь ты тряпкой. И этот красавчик ничуть не лучше Йохана.

– Вас зовут Марк? – спрашиваю, подойдя к рабочему столу.

– Да. А вас?

Очень вовремя он вспомнил, что надо познакомиться.

– А меня – Алина.

– Красивое имя.

Интересно, он сказал это из вежливости? Или можно считать комплиментом?

– Спасибо. А чем вы занимаетесь на Тантале, Марк?

– Я метеоролог.

– Оу, – говорю со значением, будто хорошо представляю, что это значит. – Следите за погодой?

– Вроде того.

В его голосе снова улавливаю иронию.

Смотрю тетради, которые лежат на столе, глажу корешки книг. Что читает такой красавчик? И что пишет? Не дневник же ведёт, как барышня девятнадцатого века?

Названия книг слегка озадачивают. «Атлас облаков», «Методические указания по приведению атмосферного давления к уровню моря и вычислению высот изобарических поверхностей». Зависаю над словом «изобарических». Понятия не имею, что это такое.

Тетради пронумерованы, и на них имеются надписи, выполненные чётким, крупным почерком: «Запись метеорологических наблюдений в сроки», «Запись дополнительных наблюдений», «Запись наблюдений за температурой почвы».

Внутри какая-то кабалистика. Цифры, цифры, почерк больше похож на китайские иероглифы.

– А вы давно на Тантале? – интересуется в свою очередь Марк.

– Нет, всего пару недель.

– Ясно.

Жду, когда он спросит, что заставило меня прилететь на эту планетку, но хозяин будто позабыл о гостье. Стучит ложками, тарелками, и… ничего больше не говорит.

– А вы здесь давно? – не выдерживаю дольше тридцати секунд.

Ко всему прочему, у него ещё и очень красивый голос. Так и слушала бы, и слушала…

– В ноябре будет шесть лет.

– Шесть?! Ничего себе… – разглядываю рамочки с картинками на стене.

Может, семейное фото есть? Жена, дети?..

На фотографиях какие-то массовые построения. Много-много людей в одинаковых куртках – синих, с серебристой полосой. Мужчины, женщины… Все молодые, спортивного вида. Может, он в прошлом спортсмен?

Фотографии сделаны на фоне белого здания в шесть этажей. Почему-то мне кажется, что это – Москва. Но таких допотопных зданий в Москве не слишком много. Наверное, окраина. Я там редко бываю.

– Вы здесь тоже из романтических соображений? – продолжаю расспросы и брожу по комнате, в надежде увидеть хоть что-нибудь из личных вещей.

– Простите?..

Морозов удивлённо выглядывает из кухни.

– Тоже оставили сердце в пустыне? – немного смущаюсь, потому что его удивление очень искреннее.

Будто я говорю несусветные глупости.

Решаю немного исправиться и чуток пояснить:

– Тут говорят, что увидев пустыню, оставляешь здесь своё сердце навсегда, – останавливаюсь и стараюсь красиво опереться бедром о стол. – Вы тоже оставили здесь сердце?

– Нет, я здесь по распределению. Закончил университет, меня отправили сюда.

– Но после университета, вроде бы, требуется пять лет работы по профилю…

– Верно. Но на это место трудно найти замену. Поэтому я и остался.

– А что вы заканчивали?

Он опять скрывается в кухне, слышу позванивание стекла, шипение сковороды.

– Г*осударственный гидрометеорологический университет* в Санкт-Петербурге.

– Так вы из Ленинграда!

– Там только учился, а родился я в Москве.

– Я тоже из Москвы! Так что мы земляки! – говорю это радостно, с энтузиазмом.

Не про Лихую же Пожню ему признаваться. По нему сразу видно, что коренной москвич. В хорошем смысле этого слова. Не понаехавший, как некоторые.

– Значит, семья у вас в Москве? – забрасываю ещё крючочек, чтобы узнать побольше о Мистере Совершенство.

– Можно сказать и так.

– А как жена смотрит на то, что вы шесть лет за сто парсеков от неё?

– У меня нет жены.

Какая хорошая новость! Чуть не потираю руки.

– Возможно, есть кто-то поближе? – отодвигаю изящные намёки и говорю напрямик: – Мирослава с базы геологов сказала, что у вас отношения.

– Мирослава? – кажется, он усмехается. – По-моему, это какая-то ошибка.

Не могу сдержать злой радости. Соврала Мирка. Так и знала, что врёт. Но кто бы не соврал в отношении такого красавчика?

– А вы очень любопытная, – говорит невидимый Морозов.

– А у меня работа такая – собирать информацию, – говорю скромно. – Я – журналистка. Сейчас пишу статью про это замечательное место. Хочу повысить туристический рейтинг Тантала. Расскажите про свою работу? Впервые встречаю метеоролога. Это очень интересно.

– Прошу за стол, – говорит он. – Думаю, ужин – это интереснее, чем метеорология.

Глава 6

Захожу в кухню и чувствую себя Золушкой, внезапно попавшей на бал.

Это чудо, которое Морозов смог устроить в походных условиях. Настоящий праздничный стол.

На откидной крышке лежит белоснежная льняная салфетка (как он среди такого песка умудряется сохранять тряпки белоснежными?!), столовые приборы аккуратно разложены, будто на приёме у королевы, и в довершении всего – красивые стеклянные бокалы, в которые хозяин дома наливает воду. И делает это так торжественно, будто разливает самое дорогое вино. А, точно. Это же пустыня. Вода здесь драгоценнее вина.

Хозяин раскладывает по тарелкам дымящиеся макароны с мясом. С удовольствием принюхиваюсь. Тут даже лук есть. Ну просто амброзия!

– Вы всех гостей так встречаете? – начинаю уплетать за обе щеки, обнаруживая, что дико голодна.

Хочется услышать «нет, только вас», но, конечно же, такого не слышу.

– Дом всегда должен быть готов к приёму гостей, – пожимает Морозов плечами. – Вы извините, что я сначала так с вами разговаривал. Я не должен был сердиться. На самом деле, я рад, что вы ко мне заглянули. Какой чай предпочитаете? У меня есть сушёная малина, есть зелёный чай, есть смородина…

– Давайте тот, который сами больше всего любите, – отвечаю с набитым ртом и надеюсь, что Мистер Совершенство не слишком этим шокирован. – Вам здесь одиноко? Скучно?

– Скучно? Нет, скучать тут некогда, – усмехается он и добавляет: – Вы, наверное, не знаете, что такое работа метеоролога?

Отрицательно мотаю головой.

– Тогда я вам расскажу. Для вашей статьи.

– Сделайте одолжение, – прошу я и готовлюсь слушать с интересом.

– Каждый день в определённые часы я должен выходить на метеорологическую площадку, – объясняет Морозов, отпивая из бокала.

Красиво пьёт. Даже пьёт красиво. Вот ведь зараза такая. Всё у него получается идеально.

Смотрю на его губы. Когда он говорит – это тоже очень красиво.

– …делаю замеры, – продолжает он, – это двенадцать позиций. Всё записываю в учётные книжки, потом возвращаюсь и делаю записи в журналах. Если есть связь, сбрасываю эти данные на базу и в городской центр.

– Наверное, это отнимает много времени?

– Это отнимает всё время. Скучать точно некогда. К чаю у меня есть печенье. Правда, оно достаточно древнее…

– Обожаю древнее печенье, – заверяю его тоже с улыбкой и надеюсь, что улыбка получается достаточно привлекательной.

Печенье кажется мне таким же вкусным, как и макароны.

После еды предлагаю вымыть посуду, но Морозов отказывается. Моет сам. Снова в клетчатом фартуке.

Я сижу у рабочего стола, чуть передвинув кресло, чтобы мне лучше было видно хозяина дома, и думаю, что поломка флайера оказалась очень кстати. Прямо подарок судьбы.

Морозов моет посуду, аккуратно расставляет её в сушилку, вытирает раковину, снимает фартук, вешает на гвоздик.

Ну какая прелесть – хозяйственный мужчина.

– Вы не против, если постелю вам наверху? – спрашивает он, вытирая руки.

– Нет, не против, – с удовольствием смотрю, как он достаёт из встроенного в стену шкафа матрас, расстилает его на верхней кровати, достаёт постельное бельё – такое же чистое, как всё в этом крохотном доме.

Постелив, некоторое время стоит, потирая руки, будто что-то хочет сказать, но не решается.

Сейчас как выдаст-выдаст…

– Вы не против, Алина, если я сяду за стол? – спрашивает он. – Мне надо поработать, я не успел заполнить журналы, потому что пришлось выехать на ваши поиски.

– О, простите! – вскакиваю, уступая ему кресло.

– Спасибо. Вы можете пересесть на мою кровать.

– Лучше сразу заберусь на свою, – отвечаю я и лезу по лесенке на второй этаж.

– Выключить свет? – спрашивает Морозов.

Какой услужливый.

– А как вы будете работать без света?

– У меня лампа на столе.

– Тогда – да, пожалуйста.

Такое чувство, что стараемся перещеголять друг друга в вежливости.

Верхний свет гаснет, остаётся гореть только белый матовый плафон на столе. Морозов поворачивает его так, чтобы свет мне совсем не мешал.

Лежу на животе, поставив подбородок на сложенные руки, смотрю на мужчину, который что-то пишет, осторожно переворачивая листы, чтобы не слишком шелестели.

Почему-то так спокойно и уютно, словно мы сто лет женаты.

Женаты…

Качаю головой, беззвучно смеюсь.

Быстро же Йохан выветрился из головы. Может, дело в заморозке на две недели? Вымо-розило его у меня из мозгов.

Не замечаю, как проваливаюсь в сон. Но сплю некрепко, потому что вскоре просыпаюсь. Судя по времени, поспала всего полтора часа. За столом никого нет. Лампа по-прежнему горит. И в комнате тоже никого нет. Куда это пропал хозяин?

Раздаётся характерный шум воды из душевой кабинки.

Да он мыться пошёл.

Меня что-то подкидывает с кровати. Спускаюсь, нашариваю тапочки, на цыпочках иду к душевой. Пару секунд колеблюсь, но потом приоткрываю дверь. Она не заперта.

Приоткрываю, гляжу, не переступая порога.

За прозрачными стенками спиной ко мне стоит голый Морозов.

Картина, от которой хочется упасть в обморок.

Вода стекает по мускулистой спине, по крутым ягодицам. Понимаю, что отчаянно зави-дую воде. И смотрю, смотрю не отрываясь.

Вдруг Морозов выключает воду и оборачивается.

Наши взгляды встречаются.

Секунда, другая, третья…

Красивое, мужественное лицо в капельках воды. И красивый торс тоже в них. В капель-ках.

Медленно закрываю дверь, не сводя с господина М. глаз.

Потом иду в сторону кухни, потом возвращаюсь к кровати.

Алина, ты слегка спятила. Мужик моется, ты подглядываешь.

Морозов выходит из душевой – босиком, вокруг бёдер обмотано полотенце.

– Простите, – говорит он, – забыл запереться. Привык жить один.

Идёт к столу, садится в кресло, снова начинает что-то там писать.

И всё?.. Нет, реально – всё?

– Это вы меня простите, – говорю и понимаю, что звучит глупо, поэтому замолкаю.

– Ничего страшного, – бросает он через плечо, потом возвращается к своей работе.

Ещё какое-то время стою у перегородки между спальным отсеком и кухней. Иду в душевую. Чтобы выглядеть не так глупо. Хотя глупее, по-моему, некуда.

Когда возвращаюсь в комнату, Морозов всё так же работает, не обращая на меня внимания. А я надеялась, что обратить? Вот жеж…

Забираюсь обратно на свой «второй этаж», пытаюсь уснуть. Но мысли вертятся вокруг хозяина дома и его вида без термокомбинезона. Когда засыпаю, он мне даже снится – Морозов, разумеется, а не термокомбинезон. Что-то такое развратное, очень эротичное…

Просыпаюсь, когда в окно льётся рассеянный колеблющийся дневной свет.

Тело ещё переживает последствия сна. Стискиваю колени, но так и обдаёт жаром снизу вверх и сверху вниз.

Чёрт бы побрал этого Морозова. Разве можно быть красивым таким? Да ещё на расстоянии вытянутой руки?

Свешиваюсь через бортик кровати, гляжу вниз.

Постель «первого этажа» пуста, заправлена, на одеяле ни одной морщинки, подушка идеально взбита и поставлена треугольничком.

За столом тоже пусто, и в комнате опять никого нет.

Прислушиваюсь. Не в ванной ли хозяин?

Потом спускаюсь, заглядываю в кухню. Никого. Поколебавшись, заглядываю в душевую. Тоже никого.

Замечаю, что отсутствуют хозяйские берцы. Вышел в такую погоду? В бурю?

Выглядываю в круглое окошко. За стеклом колышется пелена песка. Но не так как вчера – не бешено, а лениво. Будто с той стороны на окне висит лёгкая полупрозрачная занавеска, которую чуть-чуть шевелит ветер.

В свете солнца песчинки вспыхивают золотистым, розоватым, иногда проблескивает что-то изумрудное. Откуда изумрудное? Вспоминаю уроки физики – преломление цвета в спектре. Золотистый и фиолетовый дают зелёный. Фиолетового здесь нет, но есть насыщенно-розовый.

Замираю перед окном. Пляска песчинок завораживает.

Вдруг в этом золотистом танце появляется новая фигура – стройная, высокая, широкоплечая. Мужчина в чёрном комбинезоне и чёрном термошлеме. Я не вижу лица, но и так понимаю, что это – Морозов.

Ну не перепутаешь. Ну нет больше таких.

И почему он торчит в этой дыре?..

Песчинки танцуют вокруг мужчины. Словно буря ласково поглаживает его, пытается обнять его, соблазнить.

Он проходит куда-то в сторону, и я прижимаюсь носом к стеклу, чтобы подольше полюбоваться на самую красивую во всей галактике попку. Что будет, если я снова ворвусь к нему во время мытья? Поймёт эта попка намёк или нет?

А я уже намекаю?.. Ну фу такой быть, Алина. Имей ты гордость. Тебе далеко не двадцать лет. Ты вполне себе рассудительная, зрелая женщина. Ладно, не зрелая. Просто рассудительная.

Отлипаю от окна, спохватываюсь, взбираюсь по лесенке на свой второй кроватный этаж, начинаю судорожно заправлять постель. Не надо раздражать хозяина-аккуратиста. И вовсе это не для того, чтобы произвести на него впечатление. Просто надо уважать правила чужого дома.

Мысленно убеждаю себя, что совсем не думаю про Морозова, но едва открывается дверь, изящно выгибаю спину. Надо было попросить у него футболку. Или рубашку. В халате пятьдесят второго размера я смотрюсь, наверное, как пингвин.

Пингвин в пустыне.

Кошусь краем глаза. Морозов входит без шлема. Видимо, оставил его в отсеке. Светлые волосы вьются надо лбом очень милыми кудряшками.

– Доброе утро. Вы рано проснулись, – говорит он.

– Доброе! – отвечаю максимально приветливо и поясняю: – Всегда так встаю. Люблю ранее утро. А вы?

Стараюсь, чтобы завязался лёгкий, непринуждённый разговор. А там уже и до лёгкого кокетства доберёмся…

– Я подключил резервный баллон с водой, – говорит Морозов совсем не в лёгкую и непринуждённую тему, – но старайтесь слишком воду не тратить. Неизвестно, сколько продлится буря.

Совсем не то ты говоришь, Марк. Совсем не то.

– Кстати, – говорю уже не таким доброжелательным тоном. – Погода–то распогодилась. Какая буря? Уже и солнце видно. Похоже, ошиблись вы с прогнозами, господин метеоролог.

– Нет, не ошибся, – говорит он спокойно, берёт небольшую сумку, которая висит на крючке у двери. – Солнце мы будем видеть ещё часа три. А потом начнётся самый настоящий тайфун. Надеюсь, вам не придёт в голову прогуляться, пока меня не будет? Завтрак на столе, под салфеткой.

– Подождите! – почти вскрикиваю, когда Морозов берётся за дверную ручку. – Вы куда?! Куда уходите?

– Мне надо сделать замеры, – он оглядывается через плечо. – Не волнуйтесь, я вернусь через пятнадцать минут. Главное, вы никуда не уйдите.

– Можно я с вами? – спрашиваю торопливо и снова чувствую себя дурочкой.

Почему в присутствии этого мужчины я всегда – дурочка?..

Несколько секунд смотрим друг на друга. Я думаю, что у него обалденно красивые глаза. Тёмно-серые, в пушистых чёрных ресницах.

– Зачем? – спрашивает он с удивлением.

Похоже, искренне не понимает, для чего мне выходить.

– Надо хотя бы немного подышать свежим воздухом, – бодро вру я. – Опять же – витамином «D» подпитаться.

Морозов смотрит на меня с ещё большим удивлением, пожимает плечами. Будто смирился с моей глупостью и мешать не намерен.

– Если успеете одеться за минуту, то можно, – произносит он и выходит вон.

За минуту? Он шутит, что ли?

Но всё равно тут же спускаюсь по лесенке, сбрасываю халат, хватаю комбинезон с вешалки, надеваю его, попутно замечая, что он почищен и даже пахнет лавандовым ароматизатором.

Господи, когда постирать-то успел? Ночью, пока я дрыхла без задних ног?

Надеваю берцы. Они почищены. Песок вытряхнут. И в каждый даже всунут мешочек с силикагелем для просушки.

Из-за этих мешочков мне приходится стаскивать берцы, выбрасывать силикагель, снова надевать.

– Чистюля! – ворчу я сквозь зубы. – Золушка! Крошка Енот! Как он ещё меня не замочил вместе с комбинезоном!

Ворчу, но на самом деле мне просто стыдно. Вобще-то, это я должна была привести в порядок свою одежду и обувь. А не грузить работой мужика, который меня, между прочим, от смерти спас.

Вылетаю за дверь и чуть не сталкиваюсь с Марком Морозовым. Оказывается, он стоит за дверью.

– А-а.. э-э… – блею я, пытаясь понять – слышал он мои слова или нет.

– Пятьдесят пять секунд, – говорит Морозов очень серьёзно. – Почти как в армии. Держите, – протягивает мне термошлем.

Мы надеваем термошлемы, выходим со станции. Замечаю, что свет горит в обоих прихожих отсеках. Хихикаю, думая, что Морозов – точно Золушка. За ночь всё постирал, вымыл, и даже свет починил.

Морозов оглядывается. Через стекло шлема я не вижу его лица, но понимаю, что он смотрит на меня.

– Что-то не так? – раздаётся его голос в динамике моего шлема. – Почему вы смеётесь?

– Э-э… – опять блею я. – Всё в порядке… не обращайте внимания…

– Хорошо, – звучит его спокойный голос, а сам он разворачивается и идёт куда-то направо. – Идите за мной, пожалуйста. Дышите… свежим воздухом.

Иду за ним, проваливаясь в песок. Алина, ты точно дурочка. Хорошо, что не назвала его Золушкой вслух. Надо было додуматься, что у него шлемы на одной завязке динамиков. И про прогулку по свежему воздуху могла сказать только законченная идиотка. Свежий воздух и солнце, ага. В термоэкипировке.

Наверное, Морозов теперь точно уверен, что у меня не всё в порядке с головой.

Идём дальше. Песок под ногами, песок над головой. Сейчас он только чуть-чуть царапает. Как игривый котёнок. Не то что вчера… Я невольно вздрагиваю, вспоминая дикие завывания бури.

Мы проходим около ста метров, и перед нами из колыхающейся пелены песка выступает металлическая сетка-ограждение. Там стоят два шеста, один с флюгером, другой с тряпкой–колпаком.

– Постойте здесь, пожалуйста, – звучит голос Морозова, и я послушно останавливаюсь.

Он открывает металлическую калитку, заходит за ограждение.

Вижу, что забор окружает довольно большую площадку – что-то шагов пятьдесят на пятьдесят. Кроме шестов там несколько построек, похожих на игрушечные домики. Одни домики стоят на шестах, другие вкопаны в песок. Есть ещё стеклянная сфера и что-то вроде металлического цветка на толстом стебле с выгнутыми нарушу лепестками.

Морозов бродит по площадке в песчаном вихре. Подходит к домикам, стоит возле сферы, пробует на крепость шесты, что-то записывает в блокноте, который достаёт из сумки. Возле металлического «цветка» ничего не записывает, извлекает из «цветка» обыкновенное ведро, вытряхивает из него песок, ставит обратно.

Всё это кажется загадочным, все эти манипуляции. Но больше чем таинственные действия Морозова меня привлекает он сам – он двигается красиво, сильно, гибко. Как хищник на прогулке. Мне нравится смотреть на него, наблюдать за ним.

Может, и он сейчас посматривает на меня, пользуясь тем, что шлем скрывает лицо. Не каменный же он, в самом деле. Обычно я сразу нравлюсь мужчинам. Если они мужчины, конечно же.

Опять хочется глупо хихикнуть, но помню про включённые динамики и молчу.

Минут через пять Морозов идёт обратно, на ходу убирая блокнот в сумку.

– Можем возвращаться, – говорит он.

– Да, конечно, – отвечаю я, чтобы что-то ответить.

Обратно мы идём так же – он впереди, я за ним. Смотрю в широкую спину, улыбаюсь. Глупо улыбаться в термошлем, но ловлю себя на мысли, что мне очень хорошо. Отель на Изумрудном берегу отдыхает по сравнению с секционкой в пустыне.

– Если хотите, можем ещё пять минут подышать свежим воздухом, – вежливо предлагает Морозов, останавливаясь возле станции.

Ясно, что он считает это моей блажью и напрасной тратой времени.

– Нет, спасибо, – щедро отказываюсь я. – Прогулялись – и хватит.

– Хорошо, – соглашается он, открывает дверь, пропуская меня вперёд.

Опять хочется захихикать – какой джентльмен!

Термошлемы снимаем в «предбаннике», оставляем здесь же. Можно и заходить, но Морозов что-то не торопится.

– Пять минут вам хватит? – спрашивает он.

– Пять минут? – переспрашиваю я. – Для чего?..

– Для того чтобы переодеться, – поясняет он. – Полагаю, так будет легче, чем запирать вас в ванной или запирать там меня.

Упоминание про ванну слегка смущает, но я не подаю виду, что смутилась. Ещё не хватало смущаться тут перед каким-то пустынным метеорологом. Метеоролог! Даже звучит смешно.

Собрался стоять в коридоре, пока я буду переодеваться.

Мог бы и не стоять. Вернее, не в коридоре.

Захожу в жилой отсек, еле сдерживаясь, чтобы не хлопнуть дверью. Сбрасываю берцы, отпинываю их в угол. Сдираю с себя комбинезон, летит туча пыли, я чихаю, свирепо тру нос.

Вешаю комбинезон у входа, нарочно медлю, надевая халат. Сейчас как откроется дверь, как войдёт этот житель пустыни… Хотя по характеру ему бы больше подошла ледяная пустыня. Северный полюс какой-нибудь. Или Антарктида.

К моему огромному разочарованию, никто раньше времени не заходит. Я успеваю не только надеть халат, но и затянуть поясок на два узла.

Раздаётся осторожное постукивание в дверь с той стороны. Выжидаю пару секунд, потом почти с отвращением кричу:

– Можно! Входите!

Морозов появляется. Разувается на пороге аккуратно, так же аккуратно ставит свои берцы рядом с моими брошенными. Замечаю, как он на мгновение замирает. Наверное, шокирован, что я не поставила обувь пяточками к стенке, как мамочка учила. Потом снимает комбинезон. Так же аккуратно, стоя у порога. Под комбинезоном у него чёрные боксёры и простая хлопковая футболка. Но в них Морозов выглядит круче, чем Йохан в брендовых плавках.

– Кстати, спасибо, что почистили мою одежду, – говорю я, стараясь не слишком таращиться. – И обувь. Вы такой заботливый.

– Если не почистить одежду от песка сразу, – спокойно объясняет Морозов, – то в воздухе повиснет каменная пыль. Это вредно для лёгких. Можно, конечно, включить вытяжку, но она забирает слишком много энергии. Даже в пустыне не надо слишком надеяться на солнечные батареи. В пыльную бурю панели не принимают достаточно света, энергии может не хватит. Поэтому проще сразу почистить одежду и обувь. Я взял на себя такую смелость. Вы против?

Смотрю на него и не понимаю – то ли он надо мной издевается, то ли серьёзен. Говорит без тени улыбки. Но… какую-то чушь говорит.

– Если вам неприятно, что я трогал вашу одежду, – продолжает Морозов, потому что я молчу, – то я делал это в антибактериальных перчатках.

Смотрю на него, не отрываясь, и думаю, что чёрта с два он напялил перчатки, чтобы поберечь меня от какой-нибудь межпланетной чумки. Скорее, сам боялся что-нибудь подхватить. Чистюля.

Пауза затягивается, мы смотрим друг на друга. Потом Морозов добавляет:

– И доставал из чистки тоже в перчатках.

Это он меня так успокоил? Вот ведь… енот.

Морозов чуть хмурится, и теперь уже я начинаю его успокаивать.

– Да не волнуйтесь вы так, Марк, – говорю я с сарказмом. – Хорошо, что в перчатках. Особенно в антибактериальных. Так точно никакую заразу не подхватите.

Между бровей у него пролегает морщинка. Красивая такая морщинка. Так и хочется разгладить её. Поцелуем.

– Мне кажется, вы обиделись, – выдаёт он «гениальную» догадку. – Простите, я правда не хотел вас обидеть. Если позволите, сейчас я отправлю вашу одежду и обувь в чистку. Без перчаток.

Я без слов пожимаю плечами: мол, действуй.

Он берёт мой комбинезон, берцы, ставит в барабан для чистки, встроенный в стену. Нажимает кнопку, загорается зелёная лампочка работы.

– Через пятнадцать минут будет готово, – говорит Морозов, будто я не вижу, что он поставил таймер на пятнадцать минут. – Не сердитесь, пожалуйста.

Позволяю себе слегка оттаять. Пытаюсь быть милой, но получается плохо.

– Что вы, совсем не сержусь, – отвечаю с усмешкой. – Я совсем не против, чтобы мужчина за мной поухаживал. Вы ведь мужчина?

Глава 7

Вот зачем я это спросила? Вот что это за тупой подкол, Алина? Ты прямо как особь пубертатного периода. Задираешь мальчика на «слабо».

Морозов опускает ресницы. Будто прячется под ними. Так и хочется схватить его за футболку, встряхнуть и потребовать: на меня смотри!

– Полагаю, вопрос не требует ответа, – говорит он спокойно. – Ответ и так очевиден. Вы раздражены, Алина, я чувствую. Наверное, потому что не позавтракали. Поешьте. Я приготовил гречневую кашу с тушенкой. Надеюсь, вам понравится.

А, Золушка ведь сделал завтрак. Оглядываюсь на крохотную кухоньку, гдечто-то прикрыто белоснежной салфеткой, поставленной «домиком». Теперь кажусь себе невоспитанной деревенщиной. Ну да, господин Совершенство же у нас коренной москвич. Это мы – мисс Лихая Пожня.

– А вы? – спрашиваю сквозь зубы. – Как гость будет завтракать без хозяина?

– Благодарю, я уже позавтракал, – говорит он, открывая сумку и доставая блокнот.

– Когда это вы успели? – интересуюсь с неудовольствием, подозревая, что он просто врёт.

Не хочет сидеть со мной за одним столом. Вдруг воздушно-капельная инфекция, антибактериальные перчатки не помогут.

– Я позавтракал в пять сорок пять. Сейчас девять двадцать. Проголодаться ещё не успел. Мы с вами вместе пообедаем. А теперь вы меня извините, я должен заполнить журналы, – Морозов смотрит прямо на меня, и уже я отвожу взгляд.

Он идёт к столу, отодвигает стул, садится, раскрывает толстую тетрадь, начинает что-то записывать.

Мне ничего не остаётся, как убраться в кухню, что я и делаю. Хочу снять салфетку, но вовремя спохватываюсь и мою руки.

Чуть не забыла.

Мистер Аккуратность в обморок бы, наверное, упал, если бы я уселась завтракать с немытыми руками.

Снимаю салфетку.

На столе стоит тарелка с гречневой кашей, на белоснежном блюдце лежат галеты и порезанный длинными дольками болгарский перец, солонка и меленка с перцем тоже присутствуют. А в небольшой фарфоровой вазочке японского лаконичного дизайна красуются три зонтика сухого укропа.

Этот человек даже даме цветы к завтраку подогнал. В пустыне. На планете, где кроме камней ничего нет.

Сжимаю губы, чтобы не рассмеяться. Розы мне дарили, лилии тоже. Орхидеи. Фиалки. Ландыши. Ирисы. Герберы и гладиолусы. Но вот букет из сухого укропа мне никто никогда не преподносил. И как странно, что именно эти тощие былинки тронули меня гораздо сильнее самых редких и экзотических цветов.

– Спасибо за букет, – говорю я. – Очень красиво и оригинально.

За стол не сажусь, смотрю на Морозова. Вижу его широкую прямую, как по линеечке спину.

– Здесь нет цветов, – отвечает он, даже не оглянувшись. – Даже трава здесь не растёт. Но мне хотелось сделать приятное. У меня не так часто бывают гости. Тем более, когда гость – женщина.

– Значит, всё-таки бывают? – сажусь за стол, забрасываю ногу на ногу, беру тарелку с гречкой и ем, отвернувшись от стола и повернувшись к Морозовской спине.

– Гости? Да, иногда геологи заезжают, когда буря застаёт во время разведки.

– О! Они ещё и разведчики? На этой планете есть враги? Полагаю, их в плен не берут?

Гречка, кстати, вкуснющая. Никогда в жизни не ела такой вкусной гречки. И если говорить честно, никогда не ела ничего более вкусного.

– Геологическая разведка, – терпеливо поясняет Морозов, продолжая что-то там писать, чертить и рисовать. – Это обычные трудовые будни. Разведка местности. Поиск новых месторождений ценных минералов. Или воды.

– Да я понимаю, Марк. Просто шучу.

Жду, когда он посмеётся или скажет что-то ещё, но Морозов молчит.

Не выдерживаю и спрашиваю:

– А женщины?

– Женщины? – он словно с трудом переключается на разговор. – Какие женщины?

– Женщины-гостьи, – поясняю я. – Вы сказали, что гости у вас бывают нечасто. Но, значит, бывают? Например, Мирослава.

– Она работает на базе, сюда ей незачем ездить, – отвечает он и на этот раз оглядывается. – А женщины-туристки предпочитают не покидать надолго Пирамиду. Вы первая гостья в моём доме.

– Этот сарайчик можно назвать домом с натяжкой, – говорю я, очень довольная, что он смотрит на меня.

Солнце освещает его лицо сбоку, глаза кажутся прозрачными, и в них пляшут искорки. Как будто песок танцует в солнечном луче.

– Я привык, – отвечает Морозов сдержанно.

– По Москве разве не скучаете? – стараюсь есть кашу максимально элегантно.

Насколько можно быть элегантной в бараке, в мужском огромном халате и при букете из сухого укропа.

– Нет, – Морозов очень немногословен, но я не позволяю себе отступить.

Поговори со мной, пустынный отшельник! Расскажи хоть что–то человеческое о себе. Мне всё про тебя интересно. Очень интересно.

– Вы же тут совсем один, получается? – задаю я следующий вопрос. – Но кровати-то две.

– На станции должны жить двое наблюдателей, – объясняет Морозов. – У меня был напарник, но полтора года назад он уехал. Климат не пошёл.

– А вам пошёл?

Он пожимает плечами.

– И что, за полтора года вам не прислали нового напарника?

– Здесь трудные условия для проживания. И желающих приехать мало.

– Попросту нет, – замечаю я.

– Нет, – соглашается он.

– А отпуск у вас когда?

– Отпуск?

– Отпуск, – теперь я объясняю терпеливо. – Вы, возможно, не знаете такого слова, но он полагается любому работнику раз в году.

– Мне известно, что такое отпуск, – говорит он. – Но при чём тут это?

– Когда вы в последний раз были в отпуске? – доедаю кашу, кладу тарелку и ложку в мойку, не вставая с места.

Потому что до мойки можно достать, протянув руку.

– Признаться, я ни разу не брал отпуск за время работы здесь, – говорит Морозов.

– Почему?

– Всё некогда. Много дел, знаете ли. Да и смены мне всё равно нет.

– Но это не ваши проблемы, – я пододвигаю к себе поближе вазочку с укропом. – Никто не может заставить вас вкалывать без отдыха, как раб на галере. Возьмите отпуск, слетайте на Землю, в Москву… Проведайте родных.

– У меня нет родных, так что не вижу смысла лететь на Землю.

– А ваши родители?..

– Я приютский.

– Сочувствую, – перестаю строить из себя светскую львицу.

Сейчас мне неловко. Я думала, он – коренной москвич. Из какой-нибудь профессорской семьи. Фамильная квартира на Тверской, связи, золотая молодёжь…А получается совсем по-другому. Красивый сильный мужик, живёт один на отсталой планете, родных нет, в отпуск не ходит, одна только работа на уме… Так и подмывает вернуть его к радостям жизни.

– Между прочим, Москва сейчас особенно хороша, – говорю я, хотя ещё месяц назад считала Москву суетливой, пыльной и очень обыкновенной. – И за шесть лет город очень изменился. Если возьмёте отпуск, могу показать новые интересные места. У нас открылся ресторан «Клеопатра», очень модное место…

– Спасибо за приглашение, – прерывает меня Морозов, – но я откажусь. И простите, мне надо работать. Я ещё не внёс данные в книжки, а новые замеры делать через час сорок шесть минут. Я просто не успею. Можете пока принять душ или почитать книгу. У меня тут есть несколько книг.

Читать я совершенно не хочу, но он уже берёт с полки несколько толстенных фолиантов, кладёт на край стола и снова возвращается к своим записям.

Какие он там замеры снова собирается делать?..

Подхожу к столу, перебираю книги, глядя одним глазом на названия, другим – на Морозова. Одно из качеств продвинутого журналиста. Заметить всё и не окосеть.

Названия книг не вызывают никакого желания их читать.

«Логистика в пустыне». «Аспекты физической метеорологии». «Климатолгия». Это что, вообще? Развлекательная литература? Скорее, снотворное средство.

– Я вам мешаю? – спрашиваю небрежно, перелистывая страницы.

Светлые короткие волосы Морозова обрезаны неровно. Шея загорелая, крепкая. Мне вдруг хочется прижаться к этой шее губами. Просто чтобы почувствовать. Близость. Силу. Вдохнуть запах солнца и песка. Может, мужчина вздрогнет от этого прикосновения. Всем телом. А потом… ну как он здесь без бабы, скажите-пожалуйста? Шесть лет? Да врёт, наверное. Но всё равно…

– Вы не мешаете, – говорит Морозов, не поднимая головы. – Вы отвлекаете. Простите, я и правда должен закончить работу. Я тут не турист, я тут работаю. Мне за это деньги платят.

– Но вы работаете, конечно же, не за деньги? – беру книги и нехотя отхожу к кроватям. – Вернее, не только за деньги? За честь и совесть?

– От моей работы многое зависит, – отвечает Морозов, продолжая строчить в тетрадях. – Зависят человеческие жизни. Поэтому я не могу отвлекаться.

– Да работайте, работайте, не отвлекаю, – ворчу я и лезу на свой второй ярус.

Книги – откровенная муть. Подавляя зевоту, осиливаю несколько страниц. Глаза слипаются, хотя совсем недавно проснулась. За окном всё так же колышется золотистая пелена. Она тоже навевает сон.

Всё-таки я засыпаю. Потому что в какой-то момент открываю глаза и вспоминаю, что целовалась взасос с господином Отшельником-Совершенство-Золушкой. Разумеется, не наяву. Приснилось мне это, приснилось.

Во всём теле сладость и возбуждение. Может, и правда, сходить в душ и успокоиться там?..

Острожная возня у порога заставляет меня приподняться на локте.

Морозов одевается, берёт сумку.

– Вы куда? – спрашиваю я.

– Через пятнадцать минут вернусь, – говорит он. – Надо успеть сделать замеры. Потом буря усилится, уже не выйти.

– Это не опасно? – тревожусь я.

По-настоящему, между прочим, тревожусь.

– Не волнуйтесь, – он уже держится за дверную ручку.

– Пятнадцать минут? – окликаю я.

– Да, пятнадцать минут.

– Имейте в виду, Марк, – шучу я, – если не вернётесь через пятнадцать минут, я вынуждена буду пойти вас спасать.

– Надеюсь, вы не совершите такого безумства, – очень серьёзно говорит он и выходит.

Спускаюсь на пол, потягиваюсь. Тело отдохнуло, разнежилось. Пробуждается властно и требовательно. Если бы ещё мне в сокамерники попался кто-нибудь другой… Какой-нибудь тупень вроде Витали… А так…

Может, по-быстрому в душ?

Сначала я загораюсь этой идеей, но потом останавливаюсь. Вообще-то мне велели воду зря не тратить.

Вижу свои чистые берцы, стоящие у порога, пятками к стенке. Комбинезон висит рядом. Чистенький, как жизнь девственницы.

Пятнадцать минут маюсь от безделья, глядя в окно и высматривая хозяина станции.

Он возвращается точно в срок, теперь отправляет свои берцы и комбинезон в чистку.

– Всё, накрыло, – говорит он мне. – Буря прихлопнула нас, теперь долго не выпустит. На обед будет плов. Правда, с тушёнкой.

– Давайте помогу? – предлагаю максимально радушно. – Мне неловко, что я у вас тут, как нахлебница.

– Вы не нахлебница, а гостья, – возражает Морозов. – И помощь не нужна. Я сам справлюсь, не беспокойтесь.

Через полчаса на столе всё в такой же изысканной походно-полевой сервировке дымится рис с тушёнкой. Хозяин умудрился изобразить из этого вполне достойный плов. Даже с морковкой и луком. Палыч с его фирменным стейком и рядом не стоял.

Когда мы садимся за стол, буря окончательно накрывает наш дом. Становится темно, как ночью. Хотя до ночи ещё далеко.

– Побережём электричество, – говорит Морозов, перенося лампу со своего стола на кухонный столик. – Вам достаточно света? Или всё-таки включить верхнее освещение?

– Нет-нет, так очень хорошо, – говорю я.

Так действительно хорошо. Золотистый свет лампы создаёт уютную, интимную обстановку. Как будто свечи на столе. Мы едим рисовую кашу, запиваем водой из красивых бокалов, завывание бури кажется мягким и приглушённым, как шум прибоя.

– Вам здесь не одиноко, Марк? – не выдерживаю я молчания.

– Я привык, – говорит он.

– А вам не бывает страшно одному? – продолжаю допытываться я. – Вот так, один, всегда… Вдруг что-то случится?

– Что может случиться? – спокойно произносит он. – Хищников здесь нет. Станция надёжная. Запас пищи и воды есть. В остальном же – риски, как во всякой другой профессии.

– Нет, не во всякой, – возражаю я. – У вас необыкновенная профессия. Знаете, кого вы мне напоминаете? Звездочёта. Вот сидит он в высокой башне, наблюдает за звёздами, разговаривает с ними, ему кажется, что они ему даже отвечают…

Замолкаю, потому что Морозов смотрит на меня с лёгким недоумением.

– Признаться, мне странно слышать это, – говорит он, наконец, смягчая слова улыбкой. Даже полуулыбкой.

Но меня словно пробивает током от макушки до пяток.

Несколько долгих, томительных секунд мы смотрим друг другу в глаза.

Ни черта не понимаю, что со мной. Были в моей жизни красивые мужчины. Встречались очень красивые. И бруталов хватало. И чудиков. Но ни один не производил такого впечатления. Ни один не вызывал столько чувств.

Губы Морозова приоткрываются, и я невольно подаюсь вперёд. сейчас как скажет, что хочет меня… Как поцелует…

– Не будет наглостью, если я предложу вам в качестве одежды свою рубашку? – спрашивает он. – В халате вам жарко. У вас пот над верхней губой выступил.

– Лучше футболку, если это не будет наглостью с моей стороны, – отвечаю я, в очередной раз чувствуя себя полнейшей дурочкой.

Я тут про поцелуи, а он… про рубашку.

Верхняя губа мучительно чешется, но я стесняюсь её вытереть. Когда Морозов встаёт и идёт ко встроенному шкафу, я торопливо промокаю лицо рукавом халата.

Да, несколько дней в плену бури обещают быть совсем непростыми.

Остаток дня слоняюсь по домику без дела. Иногда валяюсь на кровати, иногда прохаживаюсь от стены к стене.

Хозяин станции в отличие от меня без дела не сидит. Готовит ужин, периодически проверяет работу рации и связи. Но всё глухо. Мы отрезаны от всего мира. Как Робинзон и Пятница не необитаемом острове. Или как Адам и Ева. Мне этот вариант больше нравится.

Часов в девять уползаю спать.

Лежу на животе, уперевшись подбородком в сложенные руки, смотрю на спину Морозова, сидящего за столом. Он не только повёрнутый Крошка Енот, он ещё и трудоголик, каких поискать. Ну сколько можно возиться со своими журналами? Уже «Войну и мир» можно было до половины переписать.

И что ему стоит взять и подойти ко мне? Я бы протянула руку, он бы погладил мою ладонь, потом поцеловал…

Незаметно засыпаю и вижу во сне Морозова. Голого. Под душем.

Сон такой реалистичный, что проснувшись я всё ещё переживаю волну охватившего меня возбуждения. Стискиваю колени, потому что между ног всё жарко и влажно. Просовываю между бёдер руку. Желание накатывает особенно сильной волной.

Да что со мной такое? Никогда так не накрывало. Мощно. Стремительно. Опасно. Как пыльной бурей.

Йоханчик бы порадовался…

Но думать про Йохана сейчас мне совсем не хочется. Даже противно вспоминать о нём. А вот Морозов…

Часы на стене показывают половину второго. Это ночь или уже день?

Морозов всё так же сидит за столом. Лампа повёрнута вниз, чтобы свет мне не мешал.

Смотрю на крепкую спину, на широкие плечи. Сильнее стискиваю ладонь между ног. Вот захотелось-то… Может, он меня чем-нибудь накормил? Возбуждающим?

Тут же мысленно смеюсь. Ага, накормил! Для чего? Если и не смотрит на меня лишний раз. Только что от меня не шарахается.

Морозов вдруг поднимает голову, словно к чему-то прислушиваясь. Я замираю, стараясь дышать ровно, будто во сне. Но смотрю на него. Он всё равно меня не видит, потому что я в темноте. А я прекрасно его вижу. Потому что он сидит на свету.

Мужчина встаёт из-за стола, разминает плечи.

Решил лечь спать? А лампу почему не выключил?

Он проходит в кухню. Слышу, что включил воду.

Пить захотел? Или умыться? Если умыться, то не легче ли было пойти в ванную?

Морозов выходит из-за перегородки, на ходу вытирая руки полотенцем.

Всё-таки, закрываю глаза. Лежу неподвижно. Мне кажется, очень долго лежу. Вот прямо час или два. А в комнате тихо, будто Морозов спрятался, как мышка.

Осторожно открываю один глаз. Часы на стене показывают, что прошло всего две минуты. Открываю другой глаз, чуть поворачиваю голову и… встречаюсь взглядом с Морозовым.

Он стоит рядом. Он такой высокий, что наши лица как раз на одном уровне. И он смотрит на меня.

Не могу ничего произнести. Вот ни словечка. И пошевелиться не могу. Просто ступор какой-то.

Морозов медленно поднимает руку, касается края моей постели. Потом я чувствую, как шевельнулось одеяло. Он убирает его чуть в сторону. Нет, просовывает руку под одеяло.

Глава 8

Вздрагиваю, когда мужская ладонь касается моего колена.

Но ничего не говорю, не двигаюсь – меня словно приморозило. Ага, в пустыне приморозило. В компании с Морзовым.

Мужская рука осторожно, но настойчиво просовывается между моих колен. Двигается выше.

Мне надо остановить его, сказать что-то. Хотя бы поплотнее сдвинуть колени, чтобы показать, что я не хочу этого… Но я не делаю ни первого, ни второго, ни третьего. Просто позволяю чужой руке касаться меня.

Чужие пальцы натыкаются на мою руку. Так же осторожно убирают её, двигаются дальше. Выше. Глубже.

Стискиваю зубы, чтобы не застонать, когда Морозов касается меня уже там, где очень горячо. Гладит, чуть надавливает…

И всё это глядя мне в глаза.

О чём он думает?.. Чего хочет?..

Не успеваю спросить (а может, не могу произнести ни слова), когда его пальцы оттягивают край моих стрингов и касаются уже моей кожи.

Опять поглаживание – сильное, но ласковое. Он ничего не произносит, но своим прикосновением будто просит довериться.

Довериться? Как можно довериться? Это, вообще, нормально, что чужой мужик лезет в меня пальцами?!.

Но я уж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.